

В журнале Стефанос (№ 4(18) за 2016 г.) была опубликована программа учебной дисциплины «История лингвистических учений» доц. О.А. Волошиной. Для успешного освоения дисциплины студентам были предложены методические материалы, раскрывающие более подробно отдельные темы курса. В этом номере журнала предлагаются материалы, сопровождающие следующие темы курса: «Языкознание древней Индии», «Языкознание в древней Греции», «Всеобщая рациональная грамматика» Пор-Рояль», «Философия языка Вильгельма фон Гумбольдта» и «Психологическое направление в языкознании XIX в.». Материалы содержат перечень основных вопросов, требующих подробного обсуждения в рамках каждой темы, тексты для дополнительного чтения, список тем для рефератов и коллоквиумов, контрольные вопросы. Материалы предназначены для организации самостоятельной работы студентов, слушающих лекционный курс «История лингвистических учений».

О.А. Волошина

«История лингвистических учений». Вспомогательные материалы по курсу

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Тема 1. Язык и культура древней Индии. Ригведа как фундамент индийской цивилизации, источник литературы, культуры и науки. Совокупность дисциплин, необходимых для чтения и понимания гимнов Ригvedы. Роль фонетических трактатов и этимологического анализа слов для правильной трансляции и понимания текстов Ригvedы. Алфавит санскрита как результат рефлексии индийских языковедов над артикуляционно-акустическими характеристиками звуков и над ролью звуков в языке¹.

Представление древних индусов о грамматике как царице наук, фундаменте всей человеческой цивилизации².

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волошина О.А.* Языкознание в древней Индии // Русский язык в школе. М., 2015. № 8. С. 49–55.

2. *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука. 1979. С. 36–88.

ВОПРОСЫ

1. Расскажите о составе и содержании Ригvedы.
2. Богиня Вач в текстах Ригvedы, описание ее функций и места в пантеоне индийских богов.

¹ См. Приложение 1.

² Полужирным шрифтом выделены темы, обязательные для обсуждения, и вопросы, ответы на которые необходимо дать для получения положительной оценки..

3. Почему грамматика (наука о языке) наряду с фонетикой, этимологией и правилами проведения ритуалов считалась необходимой дисциплиной, задачей которой являлось толкование текстов Ригведы?

4. Почему роль грамматиста приравнивалась к роли жреца-брахмана?

5. Прокомментируйте слова Бодуэна де Куртенэ: «Одному только древнеиндийскому (санскритскому) алфавиту... свойственен порядок, основанный на физиологическом и акустическом родстве и на естественной последовательности ассоциируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изучение санскритского алфавита может служить прекрасным введением в общую фонетику» [Бодуэн де Куртенэ, 1912: 91]¹.

Тема 2. Восьмикнижие Панини как вершина лингвистической мысли древней Индии.

Принципы описания языка в грамматике Панини. Ступени чередования гласных в корне при словоизменении и словообразовании санскрита.

Понятие морфемы и правила синтеза словоформ в рамках индийской лингвистической традиции. Словоформа как цепочка морфем, понятие нулевой морфемы.

Теория о караках в свете описания семантико-синтаксических особенностей глаголов.

Особенности понятийно-терминологической структуры грамматики Панини. Технические термины в корпусе Восьмикнижия.

ВОПРОСЫ

1. Содержание и композиция грамматики Панини «Восьмикнижие».
2. Шива-сутры как ключ к пониманию грамматики Панини. Морфонология в Восьмикнижии.
3. **Принцип описания языка в грамматике Панини.** Почему грамматика в индийской традиции называется вьякарана («расчленение, анализ»).
4. **Понятие морфемы (корневой и аффиксальной) и правила синтеза словоформ в рамках индийской лингвистической традиции.**
5. Понятие карака в индийской грамматике.
6. Лингвистическая терминология в грамматике Панини. Понятие пратьяхары и класса языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Волошина О.А. О структуре и лингвистической терминологии грамматики Панини // Вестник РГГУ. №9/10, 2010. С. 161–172.

Димри Дж. П. Панини и его «Восьмикнижье» // Народы Азии и Африки. М, 1973. № 6. С. 96–103.

Катенина Т.Е., Рудой В.И. Лингвистические знания в древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980. С. 66–92.

Тема 3. Лексикографическая традиция в древней Индии. Словарь синонимов Амаракоша как отражение представления о мире древних индусов. Содержание первой книги словаря: перечень имен божеств, названия планет, времен года, эмоционального и ментального состояния человека. Представление о речи в словаре Амаракоша.

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

ВОПРОСЫ

1. Структура словаря тезауруса Амаракоса. Идеографический словарь как отражение национального мировидения.
2. Перечень синонимов как способ представления понятия. Списки имен божеств как свернутые мифологические сюжеты¹.
3. Прокомментируйте слова известного индолога С.Ф. Ольденбурга о значимости заучивания наизусть словаря Амаракоса в системе образования индусов: «Это выучивание... раскрывало перед мальчиком тысячами слов-терминов большую часть того сложного и богатого культурного мира, к которому он общался, он как бы сразу получал известное энциклопедическое образование при помощи этих синонимов» (Ольденбург 2009: 131)².

ЛИТЕРАТУРА

Волошина О.А. Словарь Амаракоса как отражение индийского мировоззрения // Риторика. Семиотика. Языкознание: Сборник статей к 70-летию профессора А.А. Волкова. М.: Добросвет, 2016. С. 368–385.

Парибок А.В. О методологических основаниях индийской лингвистики // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981. С. 155-176.

Тема реферата: Структура словаря тезауруса. Тезаурус как отражение мировоззрения (на материале индийского словаря Амаракоса или словаря конца XVIII в. П. Палласа).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К РЕФЕРАТУ

1. *Волошина О.А.* «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского государственного университета. Филология. Нижний Новгород. 2012. № 6. С. 354–361.

Тема 4. Идеи индийских лингвистов в европейской науке о языке. «Санскритские очки» европейской лингвистики. Учение о «внутренней флексии» (грамматическом чередовании гласных в корне слова) в европейской лингвистике первой половины XX века. Зарождение морфонологии в европейской науке о языке.

Представление о морфемном членении слова. Попытка сопоставлять не отдельные слова, а систему морфем (глагольных флексий) как основа методики доказательства языкового родства. Значение понятия морфемы и морфемной структуры слова для развития типологии.

Учение о глубинных (семантических) падежах в языкознании XX в. и теория о караках в древнеиндийской грамматике Панини.

Уникальность грамматики Панини как «грамматики говорящего», как описания механизма порождения всех возможных словоформ санскрита.

Вопрос для коллоквиума: Влияние достижений индийской грамматической мысли на европейское и американское языкознание XIX–XX вв.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ ПО ТЕМЕ

1. *Волошина О.А.* Судьба древнеиндийского dhātu в европейской лингвистике // Индо-европейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2015. С. 151–157.

2. *Крушевский Н.* К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма (1881) // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 71–95.

¹ См. Приложение 2.

² *Ольденбург С.Ф.* Основы индийской культуры // Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М., 2009.

3. *Топоров В.Н.* О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков // Краткие сообщения Института народов Азии. LVII. М., 1961. С. 123–133.

4. *Филлмор Ч.* Дело о падеже (1968) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.

ВОПРОСЫ

1. Система ступеней древнеиндийского вокализма и попытка осмысления этого чередования как архаичной черты структуры индоевропейских языков (идеи Я. Гримма об аблауте в немецком языке, Н. Крушевский о чередовании в славянских языках и др.).
2. Влияние идей древнеиндийских грамматистов о морфемном членении слова на развитие типологии и сравнительно-исторического языкознания в европейской науке XIX в.
3. Возможная параллель между учением о караках индийских грамматистов и теорией глубинных падежей в американской науке о языке XX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Алфавит санскрита

Гласные

Гласные простые краткие и долгие	a	ā	i	ī	u	ū
Сонанты (краткие и долгие)	ṛ	ṝ	ḷ	ḹ		
Гласные дифтонгического происхождения и дифтонги	e	ai	o	au		

Согласные

	Глухой простой	Глухой придыхательный	Звонкий простой	Звонкий придыхательный	Носовой
Велярные	ka	kha	ga	gha	ṅa
Палатальные	ca	cha	ja	jha	ñā
Церебральные	ṭa	ṭha	ḍa	ḍha	ṇa
Дентальные	ta	tha	da	dha	na
Лабialsные	pa	pha	ba	bha	va

Неносовые сонанты	ya	ra	la	va
Фрикативные шумные	ṣa	ṣa	sa	ha

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В начале первой книги словаря Амаракоса представлены имена богов индийского пантеона. Каждое имя тянет за собой длинный ряд синонимов: Вишну *viṣṇu* 46 имен [Amarakosha 1889: 13¹], Шива *śiva* 52 имени [Amarakosha 1889: 20], Индра *indra* 35 имен [Amarakosha 1889: 26], Агни *agni* 34 имени [Amarakosha 1889: 34], Кама *kāma* 19 имен [Amarakosha 1889: 17], Ганеша 8 имен и т. п.

Приведем в качестве примера список имен Ганеши – слоголового бога мудрости и знаний, покровителя студентов.

Имени Ганеша нет в списке синонимов словаря Амаракоса, божество обозначается следующими синонимами:

vināyakovighnarāja-dvaimātura-gaṇādhipāḥ
aryekadanta-heramba-lambodara-gajānanāḥ

- 1) *vināyaka* – Устранитель препятствий, уносящий прочь, удаляющий
  - 2) *vighnarāja* – Владыка препятствий
  - 3) *dvaimātura* – Имеющий 2-х матерей (он сын Шивы и Парвати, а вторая мать – слониха)
  - 4) *gaṇādhipa* – Повелитель свиты
  - 5) *ekadanta* – Имеющий один бивень
  - 6) *heramba* – Хвастающийся
  - 7) *lambodara* – Имеющий большой живот, обладающий свисающим животом
  - 8) *gajānana* – Имеющий голову слона
- arī* – также, кроме того, далее, более того, несомненно, однако.

Имя бога часто представляет собой свернутый рассказ о каком-либо мифологическом сюжете, героем которого выступает именуемое божество. Мифологические сюжеты постоянно повторяются, при упоминании богов употребляются штампы – имена, эпитеты, атрибуты и т. п., причем определенная номинация встречается в контексте конкретного сюжета.

Множество историй объясняют необычную внешность слоноподобного Ганеши. Миф повествует о том, что супруга Шивы Парвати показывала всем своим родственникам прекрасного новорожденного сына. Один из родственников – Шани – обладал смертоносным взглядом: стоило ему посмотреть на несчастного младенца, как голова сына Шивы оказалась испепеленной. Чтобы утешить несчастную Парвати, Шива наделил сына головой белого слона Айраваты – первого существа, встретившегося ему на пути.

Ганеша (Gaṇeṣa (gaṇa + īṣa)
Владыка свиты, толпы)

¹ The Nāmalingānuṣāsana (Amarakosha) of Amarasinha with the Commentary of Bhānuji Dīkshīt. Bombay, 1889.

Другая история сообщает о том, как Ганеша потерял свой бивень, сражаясь с великаном Гаджамукхой: он сам отломил свой бивень и швырнул в противника. Наделенный магической силой бивень превратил великана в крысу, которая стала ездовым животным Ганеши. Согласно другой легенде Ганеша сломал перо, записывая под диктовку Вьясы Махабхарату. Стараясь не упустить ни слова, Ганеша отломил бивень и продолжил писать им.

«Повелителем препятствий», божеством, помогающим преодолевать препятствия разного рода, называют только Ганешу – это его постоянная номинация. Это имя связано со следующей историей: бог луны Сома воздвиг храм Соманатх, посетив который каждый смертный освобождался от грехов и попадал в небесное царство. Толпы людей ринулись в Соманатх, паломников было так много, что Парвати повелела Ганеше, чтобы тот стал изобретателем препятствий на пути к спасению. Ганеша стал соблазнять людей богатством, омрачать их разум, заставляя забыть о небесном царстве. Люди молят Ганешу избавить их от этих препятствий – и Ганеша благосклонно внимает их мольбам. Не случайно ездовое животное Ганеши – крыса, умная и находчивая, которая преодолевает все препятствия, находит любую щель, чтобы продвинуться вперед и получить желаемое.

Тема 2. Языкознание в Древней Греции. Языковедческая проблематика в учениях древнегреческих философов. Гераклит Эфесский и Демокрит Фракийский о происхождении имен. Рассуждения о принципе номинации предметов и явлений в диалоге Платона «Кратил».

Грамматическая терминология и учение о категориях в «Поэтике» Аристотеля. Учение о частях речи и этимологический анализ в рамках теории языка стоиков.

Александрийские грамматики. Принцип выделения частей речи в работе Дионисия Фракийского. Спор об аналогии и аномалии как отражение разного понимания организации и развития языка.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1. СПОР ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ ОБ ИМЕНАХ И ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Одним из важнейших вопросов, стимулировавших развитие теории языка, явился спор античных философов об именах, – речь идет о дух точках зрения на природу вещей: отражает ли имя сущность названной вещи или имена устанавливаются людьми произвольно.

Знаменитым сторонником первой точки зрения, получившей название именованья «по природе» (φύσει), был **Гераклит Эфесский** (540–475 до н. э.)¹, считавший, что имена даны вещам от природы: в звучании слова отражаются существенные признаки именуемого предмета, а люди могут более или менее верно угадать истинное имя вещи. Звучание слова не может быть случайным, оно подсказывает значение слова: «Луку (βίος) имя – жизнь (βίος), а дело – смерть» (фр. 39)². Человек не может произвольно поменять имя предмета, значит, это имя присуще самой вещи, является ее свойством.

Вторая точка зрения получила развитие в трудах **Демокрита Фракийского** (ок. 460 до н. э.; год смерти неизвестен), который считал, что имена вещам дают ономотеты (установители имен), т. е. номинация – дело рук человека, вещь именуется по договору, «по установлению, по обычаю» (θέσει, νόμῳ). В доказательство своего мнения Демокрит приводил многозначные слова: одно имя может называть несколько разных вещей; или синонимы – несколько имен называют одну и ту же вещь; кроме того, некоторые вещи вообще не имеют названий. Сторонники Демокрита называли своих рабов частицами и союзами, демонстрируя условность и изменчивость имени, данного человеком.

Этот спор нашел отражение в диалоге Платона (427–347 до н. э.) «Кратил, или О правильности имен», в котором учитель Платона Сократ выносит суждение о споре Кратила и Гермогена. Позиция Кратила: «существует правильность имен, присущая каждой вещи от природы»; Гермоген считает, что «ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и от обычая тех, кто привык так называть несколько разных вещей» [Платон, 2009: 217]. Сократ сначала поддер-

¹ Гераклит Эфесский считается одним из основателей диалектики, им сформулирован ряд знаменитых положений: «Все течет, все изменяется»; «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку»; «Я познал самого себя»; «Пределы души ты не сможешь обнаружить, даже если пройдешь все пути – столь глубокую сущность имеет она».

² Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996. С. 35.

живаает Кратила, доказывая мотивированность наименований, он обнаруживает связь между звучанием слов и природой обозначаемых вещей. Сократ говорит: «Кратил прав, говоря, что имена у вещей от природы и что не всякий мастер имен, а только тот, кто обращает внимание на присущее каждой вещи по природе имя и может воплотить этот образ в буквах и слогах» [Платон 2009: 225]. Сократ вводит понятие «внутренней формы слова» – одинаковой или сходной идеи, которая лежит в основе наименований. Например, синонимы – слова, которые звучат по-разному, но выражают общую идею: «Астианакс и Гектор не имеют ни одной одинаковой буквы, кроме теты, но тем не менее означают одно и то же... И есть много других имен, которые означают не что иное, как “царь”» [Платон 2009: 230]. Устами Сократа Платон приписывает звукам выражение различных идей:

ρ – обозначает всякое движение, дрожание;

ι – все тонкое, что могло бы проходить через вещи;

α – громадное;

ο –округлое;

λ – скольжение;

ψ, ζ, ξ – дышащие звуки, обозначающие сотрясение, вспенивание и подобные действия и т. п. Далее предполагалось, что комбинация звуков отражает сложную идею, открывающую сущность именуемой вещи: «Имя есть некое подражание вещи» [Платон 2009: 272]. Поскольку ρ –обозначает движение, этот звук встречается в словах *ρεῖν течь*, *ροή течение*, *τραχός неровный* и т. п. «Звук ρ... показался присвоителю имен прекрасным средством выражения движения, порыва, и он много раз использовал его с этой целью... Я думаю, законодатель видел, что во время произнесения этого звука язык совсем не остается в покое и сильнейшим образом сотрясается. Поэтому, мне кажется, он и воспользовался им для выражения соответствующего действия» [Платон 2009: 268].

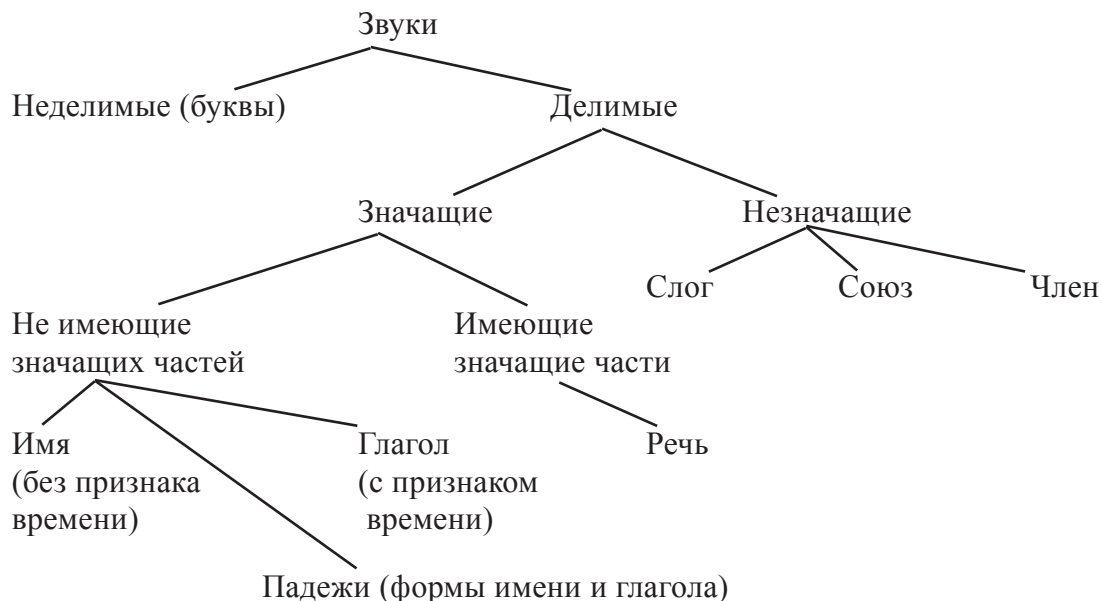
Однако далее, как это часто и бывает в диалогах Платона, Сократ поддерживает Гермогена, поскольку утверждает, что установитель имен может ошибаться и имя не всегда отражает природу вещи. Имя всего лишь отражение, копия самой вещи, которая может более или менее достоверно отражать сущность именуемой вещи. Где же истина? Она посередине, так как имена – «тени вещей»; первоначально названия, конечно, отражали суть вещей, но постепенно связь звучания и значения становилась все менее ясной, стала казаться произвольной. Мнение Сократа (и Платона) таково: есть нечто важнее имен, нужно исследовать то, что стоит за именами, т. е. идеи («не из имен нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих» [Платон 2009: 283]).

2. УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ В ТРУДАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ УЧЕНЫХ

Ученик Платона **Аристотель** (384–322 до н. э.) – философ-энциклопедист, в трудах которого получили развитие все отрасли современной ему науки: логики, физики, политики и др., однако в огромном наследии Аристотеля нет ни одного сочинения, посвященного проблемам языка. Аристотель касается лингвистических проблем тогда, когда явления языка мешают выражению и пониманию мысли: например, Аристотель рассуждает о многозначных словах, неправильное истолкование которых может привести к непониманию. Речь должна правильно, без искажения воплощать и передавать мысль, поэтому Аристотель уделяет речи и ее элементам достаточно внимания. В работе «Поэтика» Аристотель разрабатывает грамматическую терминологию. В 20-й главе «Поэтики» выделяются следу-

ющие части речи: элемент (звук / буква) – (στοιχείον), слог – (συλλαβή), союз – (σύνδεσμος), член – (ἄρθρον), имя – (ὄνομα), глагол – (ῥήμα), падеж – (πτῶσις – «падение»), предложение / речь – (λόγος).

СХЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ ПО ТРАКТАТУ АРИСТОТЕЛЯ «ПОЭТИКА»

При описании звуков речи Аристотель опирался на их артикуляционные признаки. Использование артикуляционных признаков при описании звуков речи представляет собой значительное достижение Аристотеля. Слог он характеризует как сочетание гласного и согласного. Союз и член – служебные части речи, выделение которых наряду со «значащими» (знаменательными) словами представляет крупное научное достижение. Имя и глагол в «Поэтике» определяются на основе морфологического критерия – выражения категории времени. Имя – «звук сложный, значащий, без признака времени и такой, части которого не имеют самостоятельного значения». Глагол – «звук сложный, значащий, с признаком времени и такой, части которого не имеют самостоятельного значения». Падежами Аристотель называет формы имен и глаголов, которые отличаются от основных форм: это формы косвенных падежей, повелительного наклонения, времен, неличных форм глагола, наречные формы, а также формы, обозначающие вопрос, просьбу или приказание. Речь (λόγος) – «звук сложный, значащий и такой, части которого сами по себе имеют значение». Под этим термином понимается речевой отрезок любой длины (от слова до текста «Иллиады»).

Иногда термин ῥήμα Аристотель употребляет и для обозначения сказуемого (в том числе и именного). Грамматическая теория Аристотеля не отличает части речи от членов предложения, кроме того, наряду с морфологическими и синтаксическими признаками учитываются и логические (смысловые). отождествление логики и языка отчетливо проявляется в учениях Аристотеля о категориях (см. Приложение I).

Трудами Аристотеля было заложено логико-грамматическое направление в языкознании, которое господствовало в науке вплоть до XVIII в.

УЧЕНИЕ СТОИКОВ О ЯЗЫКЕ

Дальнейшее развитие языкознания получило в трудах **стоиков** (III в. до н. э.), главой которых признается Хрисипп. (280–206 до н. э.). Наследие Хрисиппа огромно, однако до нас дошли лишь фрагменты и пересказ его теории.

Стоики активно развивали диалектику – учение об искусстве спора, об истинном и ложном, об означаемом и означающем. Таким образом, диалектика включала два раздела: об означающем, о форме (т. е. о звучании) – и об означаемом, т. е. о значении. В первом разделе рассматривались буквы, части речи, вопросы о благозвучии, многозначности, об исключениях и варваризмах. Второй раздел был посвящен представлениям и суждениям, типам предложения (простым и сложным, утвердительным, отрицательным, указательным, условным и т. п.), видам высказываний (повеление, клятва, вопрос, сомнение, обращение и т. п.).

Стоики выделяли шесть частей речи:

1. имя собственное, связанное с единичным качеством;
2. нарицание (προσηγορία) – имя, связанное с общим качеством (нарицательное);
3. глагол – несоставное сказуемое;
4. союз – неизменяемая часть речи, соединяющая части речи;
5. член – неизменяемая часть речи, различающая роды и числа;
6. наречие или «посредство» (μεσότης), т. е. нечто среднее между именем и глаголом.

Стоики уточнили многие лингвистические термины, особое внимание уделяли формам слов – акциденциям. Стоики развили учение о падежах: падежи для стоиков – это только категория имени, а не глагола; противопоставили прямой падеж косвенным, составили систему падежей, дали падежам названия: именительный, родительный, дательный, винительный.

В споре о природе названий вещей стоики были на стороне Гераклита: слова изначально истинны. Доказывая эту точку зрения, стоики попытались заложить основы этимологии, так как занимались поисками первоначального названия – этимона (истины).

3. АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ГРАММАТИКИ

Александрийские грамматики. Принцип выделения частей речи в работе Дионисия Фракийского. Спор об аналогии и аномалии как отражение разного понимания организации и развития языка.

Основателем сообщества библиотекарей-филологов считается Зенодот из Эфеса – крупнейший переписчик, исследователь и комментатор текстов Гомера. Среди его учеников **Аристофан Византийский**, **Аристарх Самофракийский** (II в. до н. э.), **Дионисий Фракийский** (II в. до н. э.). Труды александрийских ученых дошли до нас в отрывках и пересказах. Базой для их научных исследований послужила грамматика александрийцев, древнейшее дошедшее до нас изложение которой – «**Наука грамматика**» **Дионисия Фракийского**. Грамматика – это «опытное знание о большей части того, что говорится у поэтов и писателей». Грамматика состоит из шести разделов:

- Искусство чтения с различением просодии
- Толкование, исследование тропов и композиции текста
- Объяснение неясных слов и исторические отсылки
- Выявление происхождения слов
- Изучение аналогии
- Разбор поэзии

Учение об аналогии, которое касалось особенностей сходных форм словоизменения, было разработано **Аристархом Самофракийским**, хотя еще **Аристофан Византийский** говорил об условиях установления аналогии: сходство рода, падежа, окончания, количества слогов и ударения. Первоначально учение об аналогии служило целям установления форм изменения малоупотребительных и редких слов, встречаемых в комментируемых текстах. Между пергамскими и александрийскими филологами возникли споры по вопросу об **аномалии** и **аналогии**. Это было продолжение древнего спора о взаимоотношении вещи и ее названия. Пергамские филологи следовали в своих взглядах на язык за стоиками (название должно соответствовать природе вещи) и, находя сплошные отклонения в языке, противоречащие защищаемой концепции, возводили в абсолют **аномалию**, т. е. несоответствие между словом и вещью.

Александрийские грамматисты тоже видели несоответствия в языке: имена женского рода *черепаха* и *муха* называют особей не только женского, по и мужского пола; Афины – один город, а имеет форму множественного числа и т. д. Но аномалии, как доказывали александрийские грамматисты, – это исключения из общего правила, основанного на грамматической аналогии.

С помощью понятий аналогии и аномалии ученые эпохи эллинизма вскрывали системность языка, не прибегая к самому термину *системность*.

УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ

В 12 главе излагается учение о частях речи.

Александрийцы выделяли восемь частей речи: имя, глагол, причастие (причастно имени и глаголу), член (артикль), местоимение, предлог, наречие, союз (у римлян вместо артикля – междометие). Возглавляют список имя и глагол – главные части речи (они же члены предложения). Потом причастие, совмещающее признаки имени и глагола (род, число, падеж, время, залог). Затем артикль и местоимение. Артикль может относиться ко всем трем предыдущим частям речи, а местоимение не может замещать глагол. Затем предлог (он относится и к имени и к глаголу – предлог или приставка могли находиться перед глаголом) и наречие (относится к глаголу). Заканчивает список союз – часть речи, которая может соединять в предложении любые другие части речи (члены предложения).

Имя – часть речи, «изменяемая по падежам, обозначающая что-то телесное или бестелесное». Свойства имени – род, вид, форма, число и падеж. Далее приводится громоздкая классификация имен (более 30 видов): простые и производные, притяжательные, сравнительные, ласкательные, собственные, нарицательные и т. п.

Глагол – «слово, не изменяющееся по падежам, а изменяющееся по временам, лицу и числу и обозначающее действие или страдание». Выделялось пять наклонений глагола: изъявительное, желательное, повелительное, подчинительное, неопределенное; три залога, три числа, три лица, два вида глагола: первичный и производный; три времени, рассматривается спряжение глагола. Далее причастие, имеющее те же свойства, что у имени и глагола, кроме лиц и наклонений.

ЛИТЕРАТУРА

История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Канцельсон. Л.: Наука. 1980.

Платон. Кратил // Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2009. С. 216–285.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Флоренский П. Имена. М.: Азбука. 2011.

Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск, 1998. С. 104–114.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 102–117.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

ВОПРОСЫ

1. Прочитайте диалог Платона «Кратил». Какие аргументы в защиту позиции Кратила приводит Сократ? Как он поддерживает мнение Гермогена? Каким выводом заканчивает спор?
3. Почему спор античных философов об именах сыграл огромную роль в становлении теории языка? Какое продолжение он получил в работах последующих ученых?
4. Расскажите об ономастопозитической теории происхождения языка. Что такое «внутренняя форма слова» в учении Г. Штейнталя и А.А. Потебни.
5. Объясните слова В. Вундта: «Языки первобытных народов... в одном отношении, во всяком случае, представляются бесконечно более удобными для психологического исследования: во многих формах выражения понятий в них чаще замечается еще сродство между звуком и его значением, чем это бывает в языках культурных народов» (Вундт В. Проблема психологии народов. М., 2011. С. 8).
6. Расскажите о точке зрения Ф. де Соссюра на природу связи означаемого и означающего в «Курсе общей лингвистики». Почему Соссюр – сторонник понимания языка как семиотической системы – настаивает на условной связи между понятием (значением) и «акустическим образом» (звучанием)? Что пишет Соссюр о звукоподражаниях?
- 7*¹. Прочитайте работу религиозного мыслителя П. Флоренского «Имена». Какой точки зрения на связь звучания имени и характера его (имени) обладателя придерживается Флоренский? Приведите примеры соответствия звучания имени и черт характера именуемого человека. Считаете ли Вы убедительной точку зрения автора?
- 8*. Прочитайте работу Р.О. Якобсона «В поисках сущности языка». Какие примеры соответствия звучания и значения обсуждает автор?
- 9*. Прочитайте стихотворение Рембо «Гласные». Как Вы думаете, можно ли приписать отдельным звукам определенное значение (например, цветное или какое-либо другое).
- 10*. Что такое фоносемантика (или психофонетика) в контексте психолингвистики?
11. Прокомментируйте слова Э. Бенвениста об Аристотеле: «Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка». (См. Приложение).

---

¹ «Звездочкой» помечены дополнительные вопросы, работа над которыми проводится факультативно, по желанию студента.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Категории представляются, с одной стороны, как формы бытия и элементы структуры познания, а с другой стороны, как лингвистические феномены.

Анализ соотношения понятийных категорий и способа их отражения в грамматической терминологии и категориях языка в учении Аристотеля предлагает Эмиль Бенвенист. В работе «Категории мысли и категории языка» он пишет: «...мышление стремится устанавливать категории универсальные, языковые же категории всегда являются категориями отдельного языка» [Бенвенист 1998: 106].

«Аристотель выделяет совокупность предикатов, которые можно высказать о бытии, и стремится определить логический статус каждого из них. Однако нам кажется... что такие типы являются прежде всего языковыми категориями и Аристотель, выделяя их как универсальные, на самом деле получает в результате основные и исходные категории языка, на котором он мыслит. Достаточно обратить внимание на именование категорий и иллюстрирующие их примеры...» [Бенвенист 1998: 107].

Аристотель выделяет 10 понятийных категорий, т. е. категорий мысли, и находит им соответствие (выражение) в родном греческом языке:

№	Название категории	Греческий термин	Вопрос	Пример Аристотеля	Соответствие языковой категории
1.	Сущность / субстанция	οὐσία	кто? что?	человек, лошадь	Имя существительное
2.	Количество	ποσότης	сколько?	два локтя	Имя числительное
3.	Качество	ποιότης	какой?	белый, образованный (сведущий в грамматике)	Имя прилагательное
4.	Отношение	πρός τι	в каком отношении?	вдвое, вполовину, больше	Категория сравнительной степени
5.	Место	ποῦ	где?	в Ликее, на площади	Наречия места
6.	Время	πότε	когда?	вчера, в прошлом году	Наречия времени
7.	Положение	κεῖσθαι	в каком положении?	лежит, сидит	Непереходные глаголы
8.	Обладание	ἔχειν	в каком состоянии?	обут, вооружен	Категория перфекта глаголов страдательного залога
9.	Действие	ποιεῖν	что делает?	режет, жжет	Глаголы действительного залога
10.	Страдание	πάσχειν	что испытывает?	разрезается, сжигается	Глаголы страдательного залога

«Понятие οὐσία указывает на класс существительных. Взятым вместе понятиям ποσόν и ποιόν соответствует не просто класс прилагательных вообще, но специально два типа прилагательных, которые в греческом языке тесно объединены» [Бенвенист 1998: 107].

«...Под категорией “отношение” обнаружим еще одну фундаментальную категорию греческих прилагательных: свойство образовывать сравнительную степень, являющуюся “отношением” по функции» [Бенвенист 1998: 108].

«Что касается ποῦ “где” и πότε “когда”, то они включают соответственно классы пространственных и временных обозначений, причем понятия в этом случае

отражают характер соответствующих наименований в греческом языке: противопоставление слов *ποῦ* и *ποτέ* поддерживается не только параллельной оппозицией их производных, представленной в *οὗ ὅτε*, *τοῦ τότε*, – они составляют часть целого класса, в который входят другие наречия (типа *ἔχθές* «вчера», *πέρυσιν* «в прошлом году») или падежные обороты с локативом (как «в Ликее, на площади»)...

Все шесть первых категорий относятся к именным формам. Таким образом, основания для их объединения лежат в особенностях греческой морфологии.

С этой же точки зрения следующие четыре категории также образуют единство: все они глагольные категории. Для нас они особенно интересны тем, что, как кажется, природа двух из них была определена неточно.

Два последние с первого взгляда ясны: *ποιεῖν* «делать» с примерами *τέμνει*, *καίει* «режет, жжет» и *πίσχειν* «испытывать воздействие, терпеть, страдать» с примерами *τέμνεται*, *καίεται* «разрезается, сжигается» («его режут, его жгут»), представляют категории актива и пассива, и сами примеры в данном случае выбраны таким образом, чтобы подчеркнуть языковое противопоставление: эта морфологическая оппозиция двух «залогов», существующих для большинства греческих глаголов, и выступает в виде полярных понятий *ποιεῖν* и *πίσχειν*.

Но что подразумевается под двумя первыми категориями *κεῖσθαι* и *ἔχειν*? Даже перевод их неоднозначен: некоторые приравнивают *ἔχειν* к «иметь». Ну а какой интерес может представлять такая категория, как «положение» (*κεῖσθαι*)? Что это – предикат столь же общий, как «актив» или «пассив» или хотя бы предикат одинаковой с ними природы? А что сказать об *ἔχειν*, иллюстрированном примерами «обут, вооружен»? Комментаторы Аристотеля склонны считать эти категории эпизодическими, полагая, что греческий философ сформулировал их лишь затем, чтобы исчерпать применимые к человеку предикаты...

Мы полагаем, что и эти понятия имеют языковую основу. Возьмем сначала *κεῖσθαι*. Чему может соответствовать логическая категория *κεῖσθαι*? Ответ содержится в приведенных примерах: *ἀνάκειται* «лежит», *κάθηται* «сидит». Они представляют собой образцы глаголов среднего залога. Это важнейшая с точки зрения языка категория. Вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, средний залог – понятие более важное, чем пассив, который из него развивается. В глагольной системе древнегреческого языка, в том ее виде, как она сохраняется еще в классическую эпоху, главную роль играет противопоставление активного и среднего залогов. Греческий мыслитель мог с полным правом выделить в самостоятельную категорию предикат, который выражается особым классом глаголов, а именно глаголов, имеющих только форму среднего залога (*media tantum*) и указывающих, в частности, на «положение», «позу». Не сводимый ни к активу, ни к пассиву, средний залог обозначал столь же специфический способ бытия, как и оба других залога.

Подобным же образом обстоит дело с предикатом, названным *ἔχειν*. Его не следует понимать в обычном значении, как «иметь» в смысле материального обладания. Некоторая необычность этой категории, ставя нас сначала в тупик, разъясняется примерами: *υποδέδεται* «обут», *ὀπλισται* «вооружен»... Ключ к интерпретации заложен в природе этих глагольных форм: *υποδέδεται* и *ὀπλισται* – формы перфекта. В строгом смысле они представляют собой перфект среднего залога. Но средний залог, как мы только что видели, уже связан с категорией *κεῖσθαι* и, между прочим, оба иллюстрирующие ее глагола – *ἀνάκειται* и *κάθηται* – не имеют перфектной формы. В предикате же *ἔχειν* и в обеих выбранных для иллюстрации

формах акцентирована как раз категория перфекта. Смысл ἔχειν – одновременно и «иметь» и, в изолированном употреблении, «быть в определенном состоянии» – наилучшим образом гармонирует с категориальным значением перфекта... Для выявления значения перфекта в переводе указанных форм мы должны включить в него идею «обладания», тогда получаем: ὑποδέεται «он имеет обувь на ногах», ὀπλισταί «он имеет при себе оружие». Отметим также, что в соответствии с нашей трактовкой эти две категории следуют в списке одна за другой и, по-видимому, образуют точно такую же пару, как следующие за ними ποιεῖν «делать» и πάσχειν «испытывать (воз) действие, терпеть, страдать». Действительно, между перфектом и средним залогом в греческом языке существуют многочисленные как формальные, так и функциональные связи, восходящие к индоевропейскому периоду и образующие сложную систему» [Бенвенист 1998: 108–110].

«Разрабатывая перечень этих категорий, Аристотель ставил своей целью учесть все возможные в предложении предикаты... Неосознанно он принял в качестве критерия эмпирическую обязательность особого выражения для каждого предиката. Таким образом, сам того не желая, он неизбежно должен был возвратиться к тем различиям, которые сам язык выявляет между основными классами форм... Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка...

В той степени, в какой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить. Язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами. Таким образом, классификация этих предикатов показывает нам прежде всего структуру классов форм одного конкретного языка» [Бенвенист 1998: 111].

«...Возможность мышления вообще неотрывна от языковой способности, поскольку язык – это структура, несущая значение, а мыслить – значит оперировать знаками языка» [Бенвенист 1998: 114].

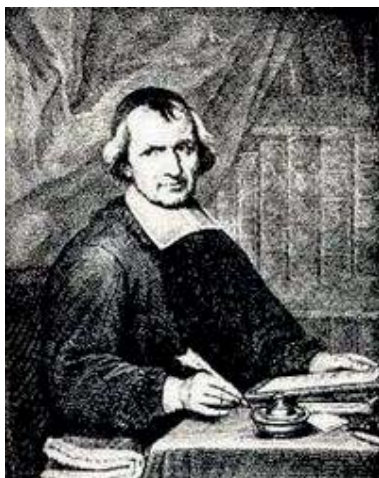

Port-Royal-des-Champs

«Всеобщая рациональная грамматика» Пор-Рояля (1660 г.)

Логическое направление в языкознании. Универсальная грамматика Пор-Рояля (*Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*)¹ А. Арно² и К. Лансло³. Принцип грамматической категоризации в грамматике, проблема выражения общих грамматических категорий в конкретных языках.

Влияние грамматики Пор-Рояля на европейскую и американскую лингвистику XX в.

Антуан Арно.
Гравюра Р. Древе

ЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ.
«ВСЕОБЩАЯ РАЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА»
ПОР-РОЯЛЯ А. АРНО И К. ЛАНСЛО

В XVII в. развитие европейской науки о языке проходило под воздействием рационализма как особого направления в логике и философии. В результате влияния рационализма на языкознание сформировалось **логическое направление** в науке о языке, рассматривающее грамматические категории с точки зрения их соответствия логическим категориям.

Поскольку мышление всех людей основано на общих (универсальных) законах логики, а язык есть средство формирования и выражения мысли, то грамматика должна быть тоже, по мнению филосо-

¹ Грамматика получила свое название по местечку под Парижем Пор-Рояль, где располагался женский католический монастырь, основанный в начале XIII в., а к XVII в. ставший крупнейшим центром просвещения. Видные ученые создавали в стенах монастыря философские трактаты, сочинения по физике, математике, логике.

² Антуан Арно (1612–1694) – выдающийся философ, логик и математик, один из авторов труда «Логика или искусство мыслить» (1662), дополнившего вышедшую двумя годами раньше грамматику Пор-Рояля. В трактате «Логика» была выявлена логическая база синтаксических конструкций и окончательно сформулированы идеи всеобщей рациональной грамматики.

³ Клод Лансло (1616–1695) – автор ряда грамматик отдельных языков (латинского, древнегреческого и испанского) под общим названием «Новый метод для изучения...». Книга Лансло «Греческие корни» (*Les Racines grecques*) сыграла в свое время не меньшую роль, чем знаменитая книга У. Уитни «Санскритские корни» в XIX и XX вв.

фов-рационалистов, универсальна для всех языков. Такая всеобщая, рациональная, универсальная грамматика¹ могла быть разработана на материале любого языка. В средневековой Европе в качестве такого языка выбрали латынь, в известных грамматиках XVI в. Скалигер и Санчес подчеркивали внеязыковую (всеобщую, ментальную) основу латинского языка. «За основу принималась универсальная модель, составленная из выделенных в латыни грамматических категорий. Влияние логической мысли (в версии аристотелевой формальной логики) было велико в интерпретации категорий синтаксиса» [Арутюнова 1990: 274].

Однако языки отличаются друг от друга набором формальных способов выражения общих логических категорий. По мнению грамматистов XVII в., одни языки более «правильно» или адекватно выражают логические категории, чем другие. Именно поэтому авторы грамматики Пор-Рояля анализировали грамматики нескольких языков: французского и латинского, итальянского и испанского, греческого и древнееврейского, немецкого, фламандского, нидерландского и английского. Поскольку между логикой и грамматикой нет прямого соответствия, сложные понятия могут выражаться простыми словами и, наоборот, сложные формальные конструкции используются часто для выражения самых простых понятий. Логическая структура мысли, общая для всех народов, напрямую не отражается в грамматике языков: в одном случае грамматика латыни лучше отражает логические категории, в другом случае – грамматика французского или греческого или какого-либо другого языка оказывается более удобной для выражения мысли. Таким образом, авторы грамматики Пор Рояля признавали своеобразное национальное мировоззрение, отображенное в грамматиках конкретных языков. Рациональная и универсальная грамматика Пор-Рояля решает вопрос взаимосвязи языка и мышления на основе логики.

ПРИНЦИП ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ГРАММАТИКЕ,
ПРОБЛЕМА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЩИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
В КОНКРЕТНЫХ ЯЗЫКАХ

Мышление не просто осмысляет окружающую действительность, но и структурирует полученные впечатления, эта категоризация напрямую зависит от конкретного языка, ведь «язык есть прежде всего категоризация». Среди языковых категорий самой важной являются грамматические категории как обобщающие, наиболее абстрактные и формально выраженные.

Авторы грамматики Пор-Рояля утверждают, что «знание происходящего в нашем рассудке необходимо для понимания основ грамматики» [Арно, Лансло 1998: 89]. Так, деление слов на части речи основано на важнейшем противопоставлении:

«Объекты мыслей» обозначают имена, артикли, местоимения, причастия, предлоги и наречия;

«Форма и образ мыслей» (ход мысли) выражается глаголами, союзами и междометиями [Арно, Лансло 1998: 93].

Среди имен выделяются существительные, которые называют субстанцию (*земля, солнце* и др.), и прилагательные (акциденции), которые обозначают «способ существования вещей» (*быть круглым, твердым* и т. п.).

¹ Универсальная грамматика отражала всеобщие категории, встречающиеся в любом языке. Например, в главе XXIV Грамматики Пор-Рояль авторы утверждают: «Грамматика любого языка имеет два начала: словарь и синтаксис».

Имена, называющие субстанцию, «могут отражать единичные понятия» (это имена собственные – *Сократ*) и могут обозначать «общую идею» (имена нарицательные – *лошадь*).

Нарицательные имена существительные могут называть один или много предметов, тогда они употребляются в форме единственного или множественного числа. Однако иногда существительные не имеют форм единственного или множественного числа, авторы грамматики пытаются найти этому разумное объяснение. Она пишет: «Названия металлов *золото, серебро, железо* не имеют множественного числа почти во всех языках. Основанием для этого является, на наш взгляд, то, что сходство между различными частями этих металлов заставляет рассматривать каждый вид металла не как вид, воплощающийся в различных конкретных проявлениях, но как целое, делящееся лишь на части. Это свойство выражается во французском языке в том, что для обозначения отдельного металла мы применяем разделительную частицу: *de l'or золото, de l'argent серебро, du fer железо*.

В то же время мы употребляем слово *fer* во множественном числе *fers*, но лишь для обозначения *кандалов*, а не части металла, называемого *железом*. В латинском языке также употреблялось слово *aera*, но для обозначения монеты или музыкальных ударных инструментов, например *цимбал*. Аналогично обстоит дело и в других языках [Арно, Лансло 1998: 101].

О грамматической категории рода Арно и Лансло пишут так: «Так как имена прилагательные по своей природе относятся ко многим предметам, люди решили, что необходимо сделать речь более ясной и украсить ее многообразием окончаний. Для этого они сделали прилагательные отличными друг от друга в зависимости от тех существительных, к которым они относятся в речи» [Арно, Лансло 1998: 105].

Существительные мужского рода обозначают мужчин (*король, брат*), а женского рода – женщин (*королева, сестра*). Однако авторы грамматики видят и пытаются объяснить многочисленные нарушения этого принципа. Например, «*лисица*, несмотря на то что обозначает и самца и самку лисицы, выступает в латинском языке существительным женского рода... Ведь грамматический род существительного зависит не от значения этого слова, а от того, с каким прилагательным оно согласуется в речи: с прилагательным, имеющим окончание женского рода, или с прилагательным, имеющим окончание мужского рода. Так, в латинском языке *custodiae стражники* или *узники, vigiliae часовые* и другие подобные слова принадлежат к женскому роду, хотя и обозначают мужчин. То, что было сказано здесь о роде, относится ко всем языкам.

В греческом и латинском языках наряду с мужским и женским родом был изобретен еще и третий род, который называли средним, ибо он не являлся ни мужским, ни женским. Но так поступили не на разумном основании, как могло бы быть, если бы к среднему роду относили названия вещей, не имеющих никакой связи с полом, мужским или женским, а по прихоти, ибо на самом деле этот род приписывался словам лишь в соответствии с их окончаниями» [Арно Лансло, 1998: 104–105]. Наблюдая латынь и французский языки, авторы грамматики обратили внимание на то, что «иногда род слова может меняться в языке с течением времени».

Глава VI «О падежах и о предлогах, в той мере, в какой необходимо говорить о последних, чтобы изъяснить природу некоторых падежей» посвящена анализу падежных систем разных языков. Авторы объясняют необходимость функционирования грамматической категории падежа в системе языка: «поскольку вещи

часто рассматриваются в самых разных отношениях друг с другом, необходимо было обозначить эти отношения. Для этого именам стали даваться еще различные окончания, названные падежами...

На самом деле из всех языков только греческий и латынь имеют падежи имен в полном смысле этого слова. Тем не менее почти нет языков, которые не имели бы падежей в местоимениях, а также по той причине, что без падежей нельзя было бы в полной мере понять связь слов в предложении, называемую конструкцией, необходимо знать, что такое падеж, прежде чем приступать к изучению любого языка» [Арно Лансло, 1998: 106].

Авторы грамматики предлагают анализ значений пяти падежей латинского языка и приводят примеры выражения перечисленных падежных значений из других языков. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что в современных языках падежи заменяются конструкциями с предлогами. «Все языки стали прибегать к иному средству, состоящему в том, чтобы изобретать короткие слова, которые должны стоять перед именами и которые были в соответствии с этим названы предлогами. Например, отношение двух вещей, одна из которых помещена внутри другой, выражается в латыни посредством *in*, а во французском с помощью *dans*: *vinum est in dolio*, *le vin est dans le muid* *вино в бочонке*» [Арно, Лансло 1998: 113].

Вот что пишут авторы о «синтаксисе или конструкциях при сочетании слов»: «синтаксис управления... практически чисто произволен, а поэтому весьма различен в разных языках. Так, в одних языках управление осуществляется за счет падежей, в других – вместо падежей используются частички, фактически заменяющие падежи и способные к обозначению некоторых падежей». «...Использование того или иного способа зависит от духа языка» [Арно, Лансло 1998: 205–206].

Очевидно, что авторы грамматики пытаются найти разумные основания выделения отдельных разрядов слов внутри отдельных частей речи и частных грамматических категорий: числа, лица, падежа, залога и др.

Отдельные главы грамматики посвящены артиклям и местоимениям¹, причастиям, супинам и герундиям, конструкциям с вспомогательным глаголом, глагольным категориям (времени, лица и числа, модусам или наклонениям), различным синтаксическим конструкциям.

Анализируя материал древних и новых языков, авторы замечают, что наречия могут образовываться из сочетания предлогов с именами. По мнению Арно и Лансло, это происходит от стремления людей сделать свою речь краткой и лаконичной. Этим же объясняется выражение грамматических категорий (например, глагольных) в одном слове: «...разнообразие лиц и чисел в глаголах происходит оттого, что люди, желая сократить свою речь, стали присоединять в пределах одного слова к утверждению, являющемуся основным свойством глагола, субъект предложения» [Арно, Лансло 1998: 157].

Приведенные примеры позволяют утверждать, что конкретные, но всегда системные объяснения языковых фактов послужили основой нового грамматического метода и созданию новой теории языка.

Граматики разных языков рассматривались с точки зрения выявления общего (универсального) компонента, характеризующего человеческий язык. Авторы доказывают глубинное сходство грамматик разных языков, сравнивая различные

¹ По мнению авторов грамматики, местоимения были изобретены людьми для того, чтобы разнообразить речь и избежать скуки, возникающей при повторении одних и тех же слов.

способы выражения базовых категорий универсальной грамматики (grammatical universalis).

ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИКИ ПОР-РОЯЛЯ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ И АМЕРИКАНСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ XX ВЕКА

Грамматика Пор-Рояля оказала огромное влияние на становление и развитие европейской и американской теоретической лингвистики XX и XXI вв. «Всеобщая рациональная грамматика» Арно и Лансло послужила образцом для подобного рода логико-философских сочинений.

Великий швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр развивал учение о знаковой (семиотической) природе языка и его системном строении. Новаторство метода лингвистического анализа, предложенного Арно и Лансло, заключалось в системном подходе к объяснению языкового устройства: каждое конкретное явление языка рассматривалось не изолированно, а в связи с другими явлениями, которые в совокупности позволяли языку выполнять коммуникативную и когнитивную функции.

Американский лингвист Ноам Хомский в своей работе «Картезианская лингвистика» с точки зрения современной науки о языке развивает идею авторов грамматики Пор-Рояля о трансформации (различных способах выражения) глубинных (семантических) структур в поверхностные (фонетико-морфологические и/или синтаксические).

Основная задача грамматики Пор-Рояля – выявление связи языка и мышления, соотношения грамматических структур логическим – становится более объемной и получает новые решения в контексте развития когнитивной лингвистики XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1998.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Логическое направление в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Языкознание древнего Рима // История лингвистических учений. Древний мир / Под ред. А.В. Десницкой и С.Д. Кацнельсона. Л.: Наука, 1980.

Хомский Н. Картезианская лингвистика. М.: КомКнига, 2005. С. 69–106. (Глава из истории рационалистической мысли).

ВОПРОСЫ

1. Объясните название сочинения А. Арно и К. Лансло – «**Грамматика общая и рациональная**¹, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, **толкование общего в языках и главные различия между ними**, а также – многочисленные новые замечания о французском языке».

2*². Прочитайте главу «Языкознание древнего Рима» в книге «История лингвистических учений. Древний мир» [История лингвистических учений 1980:

¹ Выделено составителем материалов к курсу – О.А. Волошиной.

² «Звездочкой» помечены дополнительные вопросы, работа над которыми проводится факультативно, по желанию студента.

233–256] и прокомментируйте слова Н.Д. Арутюновой: «Всеобщие грамматики обычно не были последовательно логическими, например, в описании формообразования. В этом сказался опыт собственно лингвистических исследований, начатых римскими учеными (Присцианом, Элием Донатом и др.)» [Арутюнова 1990: 274].

3. Объясните слова авторов грамматики Пор-Рояля:

«Говорить – значит объяснять свои мысли при помощи знаков, изобретенных людьми для этой цели.

Оказалось, что наиболее удобными из этих знаков являются звуки и голос.

...Речевые знаки могут быть рассмотрены с двух сторон. Первая – то, чем они являются по своей природе, а именно как звуки и буквы. Вторая – их значение, т. е. способ, каким люди используют их для обозначения своих мыслей» [Арно, Лансло 1998: 71].

Как эти две стороны лингвистического знака характеризовал Фердинанд де Соссюр в работе «Курс общей лингвистики»? Какие особенности устройства и функционирования языка позволили Фердинанду де Соссюру рассматривать язык как семиотическую систему?

4. Прокомментируйте фрагмент Главы XVI («О различных модусах или наклонениях глагола») Грамматики Пор-Роляля:

«...в латыни одни и те же окончания служат для выражения сослагательного и желательного наклонений, и поэтому благоразумным представляется исключение последнего из спряжения латинского глагола, ибо наклонения создаются в глаголе не только за счет различия в значениях (которые могут быть весьма разнообразными), но и за счет различия в окончаниях» [Арно, Лансло 1998: 166].

Можно ли утверждать, что отсутствие формального выражения грамматической категории, по мнению авторов грамматики, свидетельствует об отсутствии в языке этой категории, так как грамматическая категория обязательно должна быть формально выражена.

5. Прочитайте главу IX «О местоимении, называемом относительным, или релятивом» Грамматики Пор-Рояля и главу «Глубинная и поверхностная структура» из книги Н. Хомского «Картезианская лингвистика». Можно ли утверждать, что в грамматике Пор-Рояля заложены предпосылки трансформационного метода Н. Хомского, в рамках которого анализ предложения основан на выявлении глубинной когнитивной структуры, обусловленной мыслительными процессами. *Приложение 1.*

6. Почему Ноам Хомский в XX в. называл авторов универсальной грамматики Пор-Рояля в числе предшественников собственного трансформационного метода, ставшего основой генеративной грамматики? Прокомментируйте слова Н. Хомского:

«Складывается впечатление, что после долгого перерыва лингвистика и когнитивная психология вновь обратились к тем методам изучения языковых структур и мыслительных процессов, которые впервые были отчасти разработаны, а отчасти обновлены в «век гениев», а затем успешно развивались вплоть до начала XIX в. В центре интересов языкознания вновь оказался творческий аспект языкового употребления, поэтому теории универсальной грамматики, сформулированные в XVII–XVIII вв., были возрождены и детально разработаны в теории трансформационной порождающей грамматики» [Хомский 2005: 143].

Можете ли вы привести примеры из грамматики Пор-Рояля, иллюстрирующие сформулированные Хомским положения: «Характерным для картезианской лингвистики является выделение в языке двух аспектов в соответствии с фундаментальным различием между телом и душой. В частности, языковые знаки можно изучать как с точки зрения составляющих их звуков, так и представляющих их букв, или же с точки зрения их “значения”, то есть “способа”, каким люди используют их для означения своих мыслей.

...У языка есть две стороны – внутренняя и внешняя... Используя новейшую терминологию, мы можем сформулировать проведенное различие как различие между “глубинной структурой” предложения и его “поверхностной структурой”. Первая есть базисная абстрактная структура, определяющая семантическую интерпретацию предложения; вторая есть поверхностная организация единиц, которая определяет его фонетическую интерпретацию и связана с физической формой реального высказывания, с его воспринимаемой или производимой формой» [Хомский 2005: 72–73]. И далее «Глубинная структура, выражающая значение, является общей для всех языков, поэтому она считается простым отражением формы мысли. Трансформационные же правила, по которым глубинная структура превращается в поверхностную, могут различаться от языка к языку» [Хомский 2005: 78].

КОЛЛОКВИУМ

Философские основы универсальной грамматики Пор-Рояля.

ВОПРОС К ЭКЗАМЕНУ

Всеобщая (рациональная) грамматика Пор-Рояля. Универсальное и специфическое в языках мира в грамматике Пор-Рояля.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М.: Прогресс, 1998.

«Все философы учат, что наш рассудок может производить три операции: Созерцать, Судить и Умозаключать...

Люди говорят совсем не для того, чтобы выразить, что они созерцают, но почти всегда для того, чтобы составить суждения о предметах. Высказанное нами суждение об окружающих предметах, как, например, в случае, когда мы говорим: *земля – круглая*, называется **предложением**. Таким образом, каждое предложение обязательно имеет два члена: один из них, называемый **субъектом**, является тем, о чем что-то утверждается, например, *земля*; другой, называемый **атрибутом**, представляет собой то, что утверждается, например, *круглая* [Арно, Лансло 1998: 90, 92].

«Но эти два члена предложения могут быть либо простыми, как, например, в предложении *Dieu est bon* *Бог есть добр*, либо сложными, как во фразе: *un habile magistrat est un homme utile à la république* *умелый администратор – человек, полезный республике*...

Подобное объединение нескольких слов в пределах субъекта и атрибута предложения является иногда таковым, что несколько не мешает предложению быть простым предложением, содержащим только одно суждение или утверждение... Но в других случаях эти виды предложений (у которых субъект или атрибут состоят из нескольких слов) заключают в себе, по крайней мере в логическом плане, несколько суждений. Таким образом, можно из этого предложения составить столько предложений, сколько содержится в нем суждений. Например,

в случае, когда я говорю *Dieu invisible a créé le monde visible* *Невидимый Бог создал видимый мир*, в моем сознании проходят три суждения, заключенные в этом предложении. Ибо, я утверждаю: 1) что *Бог невидим*; 2) что *он создал мир*; 3) что *мир видим*. Из этих трех предложений второе является основным и главным, в то время как первое и третье являются придаточными, входящими в главное как его составные части; при этом первое предложение составляет часть субъекта, а последнее – часть атрибута этого предложения.

Итак, подобные придаточные предложения часто присутствуют лишь в нашем сознании, но не выражены словами, как в предложенном примере. Но часто мы выражаем эти предложения в речи. Для этого и используется относительное местоимение, как, например, в случае, когда я свожу тот же самый пример к виду: *Dieu, qui est invisible, a créé le monde, qui est visible* *Бог, который невидим, создал мир, который видим*. Это и есть то, что выше мы назвали собственным свойством относительного местоимения; оно может превращать предложение, в которое это местоимение входит, в часть субъекта или атрибута другого предложения» [Арно, Лансло 1998: 129–131].

Хомский Н. Глубинная и поверхностная структура // Картезианская лингвистика. М.: КомКнига. 2005. (Глава из истории рационалистической мысли)

«Короче говоря, у языка есть две стороны – внутренняя и внешняя. Предложение можно изучать с точки зрения того, каким способом оно выражает мысль, и с точки зрения его физического облика, иными словами, в плане его семантической или фонетической интерпретации.

Используя новейшую терминологию, мы можем сформулировать проведенное различие как различие между «глубинной структурой» предложения и его «поверхностной структурой». Первая есть базисная абстрактная структура, определяющая семантическую интерпретацию предложения; вторая есть поверхностная организация единиц, которая определяет его фонетическую интерпретацию и связана с физической формой реального высказывания, с его воспринимаемой или производимой формой. В этих терминах мы можем сформулировать второе фундаментальное положение картезианской лингвистики, а именно: глубинная и поверхностная структуры не обязательно должны быть тождественными. Базисная организация предложения, важная для его семантической интерпретации, не обязательно непосредственно обнаруживается в реальной расстановке и группировке его конкретных компонентов...

Иными словами, глубинная структура, лежащая в основе предложения *Dieu invisible a créé le monde visible*, состоит из трех абстрактных предложений, каждое из которых выражает некое простое суждение, хотя поверхностная форма данного предложения является выражением всего лишь субъектно-атрибутивной структуры. Разумеется, эта глубинная структура только подразумевается, она не находит своего выражения, целиком оставаясь в нашем сознании...

Иногда глубинная структура находит более явное выражение в поверхностной форме... Как бы то ни было, реальность глубинной структуры – это скрытая ментальная реальность, нечто вроде мысленного аккомпанемента высказывания независимо от того, соответствует ли ей поверхностная форма произносимого высказывания простым, однозначным образом или нет.

Одна и та же глубинная структура может по-разному реализоваться в разных языках, например, в латинском мы имеем *Video canem currentem* *Я вижу бегущую собаку*, а во французском *Je vois un chien qui court* *Я вижу собаку, которая бежит*. Позиция относительного местоимения в «привходящем предложении» определяется правилом обращения глубинной структуры в поверхностную.

В каждом из только что рассмотренных предложений глубинная структура состоит из системы [абстрактных] предложений, и она не получает прямого, однозначного выражения в реально производимом материальном объекте. Чтобы образовать из такой глубинной системы элементарных предложений реальное

предложение, мы используем определенные правила (в современных терминах, грамматические трансформации). В приведенных примерах мы применяем правило постановки в препозицию относительного местоимения, которое замещает существительное в придаточном предложении (вместе с предлогом, если он имеется). Затем мы можем при желании опустить относительное местоимение, одновременно опустив и связку (как в примере *Dieu invisible невидимый Бог*) или изменив форму глагола (как в примере *sams currens бегущая собака*). И наконец, в некоторых случаях мы должны поменять местами существительное и прилагательное (как в примере *un habile magistrat способный чиновник*).

Глубинная структура, выражающая значение, является общей для всех языков, поэтому она считается простым отражением формы мысли. Трансформационные же правила, по которым глубинная структура превращается в поверхностную, могут различаться от языка к языку. Поверхностная структура, образующаяся в результате этих трансформаций, разумеется, не выражает непосредственно значимых связей между словами, за исключением простейших случаев. Семантическое содержание предложения передается именно глубинной структурой, лежащей в основе реально произнесенного высказывания. Тем не менее, эта глубинная структура таким образом соотносится с реальными предложениями, что каждое из составляющих ее абстрактных предложений (в вышеприведенных примерах) может быть непосредственно реализовано в виде простого пропозиционального суждения» [Хомский 2005: 73, 75, 77–78].

Философия языка в работах Вильгельма фон Гумбольдта

Представление о языке как «духе народа», форме воплощения национального мировоззрения в работах В. фон Гумбольдта. Описание национального языка как своеобразного «взгляда» конкретного народа на окружающий мир, введение в круг научных исследований малоизвестных языков: языка кави на о. Ява, баскского языка и др.

Попытка определения «внутренней формы языка» – специфического способа выражения мысли, свойственного данному языку.

Классификация языков мира в работах В. фон Гумбольдта. Представители инкорпорирующего типа языков в классификации Гумбольдта.

Вильгельм фон Гумбольдт
(1767–1835)

1. ЯЗЫК И «ДУХ НАРОДА» В УЧЕНИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Гумбольдт убежден, что становление духовного своеобразия конкретной нации происходит в тесной связи с оформлением языковых структур языка. Язык является воплощением национального мировидения, поэтому осмысление окружающего мира конкретным народом накладывает отпечаток на формирование семантических и грамматических категорий национального языка.

Гумбольдт предлагает понимать язык как свойственную человеческому духу способность развиваться и проявляться, воплощаясь в формальные структуры: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения...» [Гумбольдт 2001: 51]. Духовная сила народа неразрывно связана с языком, который является формой воплощения духа: «Язык – есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 2001: 68].

Существует мнение, что лишь в последние годы жизни Гумбольдт занимался проблемами языка, оставив немногочисленные работы по языкознанию, однако это один из популярных мифов, которыми окружена деятельность ученого. На самом деле вопросы, связанные с природой человеческого языка, особенностями его развития и национальным своеобразием устройства разных языков, интересовали Гумбольдта на протяжении всей его жизни. «Работа с его рукописями дает доказательства того, как последовательно выростали, начиная с 1800 года, теоретические положения его философии языка из практических занятий разными языками» [Лобанова 2015: 13]. Особенностью научного творчества Гумбольдта было стремление выдвигать теоретические обобщения исключительно на базе тщательного и всестороннего анализа разнообразного языкового материала. С этой целью Гумбольдт изучал строение самых разных языков мира, описывал словарный состав этих языков, их грамматическое устройство, своеобразие словообра-

зовательных моделей и синтаксических конструкций. Такой предварительный анализ языкового материала он считал необходимой подготовительной работой, предшествующей разного рода теоретическим обобщениям.

Гумбольдт был первым европейцем, который составил подробное описание баскского языка (350 страниц). Его очерк о баскском языке был включен в приложение к четвертому тому словаря «Митридат или общее языкознание» И. Аделунга и И. Фатера (четвертый том вышел в 1817 г.). Гумбольдт считал, что индоевропейские языки, имеющие более или менее сходное строение грамматических структур и общий лексический фонд, будут отражать схожее мировоззрение, поэтому наиболее интересно для исследователя анализировать экзотические языки, структура которых кардинальным образом отличается от европейских языков. В частности, самая объемная и знаменитая лингвистическая работа Гумбольдта – трехтомное сочинение «О языке кави на острове Ява»¹ – было посвящено малайскому языку. Гумбольдт объясняет выбор языка кави – языка местного населения острова Ява, самого крупного острова в составе цепочки островов Малайского архипелага в северо-восточной части Индийского океана: «...на архипелаг в разные времена оказывали большое влияние три основных очага древних цивилизаций – Китай, Индия и страны семитского ареала. ...В двух первых книгах своего труда я начинаю исследование с той эпохи, когда индийское влияние на духовное развитие малайцев было наиболее глубоким и действенным. Таким кульминационным пунктом является, очевидно, расцвет языка кави как теснейшее переплетение исконной и индийской культур на острове, которым владели древнейшие и многочисленные индийские поселенцы» [Гумбольдт 2001: 45–46]. Гумбольдт не случайно стремится изучать экзотические языки, так как предполагает обнаружить в структурах редких языков своеобразное мировоззрение, картину мира разных народов.

2. УЧЕНИЕ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ ГУМБОЛЬДТА

Понятие внутренней формы языка является важнейшим для теории Гумбольдта, ведь именно эта трудноуловимая характеристика языка, выводимая из его внутреннего устройства, механизма выражения мысли, определяет своеобразный характер каждого языка, причем все единицы языка определяются этой общей формой и целиком зависят от нее. «Характерная форма языка отражается в его мельчайших элементах, и каждый из них тем или иным и не всегда явным образом определяется языковой формой... В этом отношении языки можно сравнить с человеческими физиономиями: сравнивая их между собой, живо чувствуешь, что индивидуальность неоспоримо присутствует, подобию очевидны, но никакие изменения и никакие описания каждой черты в отдельности и в их связи не дают возможности сформулировать их своеобразие в едином понятии. Своеобразие физиономии состоит в совокупности всех черт, но зависит и от индивидуального восприятия; именно поэтому одну и ту же физиономию разные люди воспринимают по-разному. Так как язык, какую бы форму он ни принимал, всегда есть духовное воплощение индивидуальной жизни нации, мы должны учитывать это; и как бы ни фиксировали, как бы ни выделяли, как бы ни дробили, ни расчленили в языке все то, что в нем воплощено, все-таки многое в нем остается непознанным, и именно здесь скрывается загадка единства и одухотворенной жизненности языка... Таким образом, понятие формы открывает исследователю путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности» [Гумбольдт 2001: 71–72].

¹ Сочинение было опубликовано уже после смерти Гумбольдта – в 1836 г.

Внутренней форме Гумбольдт противопоставляет внешнюю форму – более прозрачную, доступную непосредственному наблюдению: это звуки языка, его словарь, словообразование и синтаксис. «Звуковая форма есть то, на чем главным образом основываются различия языков. Это заключается в самой природе звуковой формы, так как в действительности только материальные, действительно оформленные звуки составляют язык, и звук допускает значительно большее разнообразие различий, чем внутренняя форма языка, которая неизбежно несет в себе больше единообразия» [Гумбольдт 2001: 97]. Внешняя форма доступна непосредственному наблюдению, а внутренняя форма – это нечто «совершенно внутреннее, чисто умственное», это некий посредник между языком и мышлением. Хотя внешняя и внутренняя формы языка четко противопоставлены, их синтез, тесная взаимная обусловленность характеризуют, по Гумбольдту, совершенный язык, достигший вершин своего развития. «По самой своей природе форма языка есть синтез отдельных, в противоположность ей рассматриваемых как материя, элементов языка в их духовном единстве» [Гумбольдт 2001: 73]. В частности, фонетические процессы могут не только принадлежать внешней (звуковой) стороне языка, но и играть определенную роль в грамматическом механизме. Именно такое явление Гумбольдт наблюдает в санскрите и немецком языке: «Звуковые изменения, подобные гуне и вриддхи, невозможно привить языку извне; по удачному выражению Гримма, говорившего о немецком аблауте, они увязают, словно корни, в языковой почве...» [Гумбольдт 2001: 138]. Гумбольдт пишет: «Создание грамматических форм подчиняется законам мышления, совершающегося посредством языка, и опирается на соответствие звуковых форм этим законам» [Гумбольдт 2001: 155].

Именно форма языка определяет принципы его развития, ведь оставаясь в рамках своего грамматического типа (модели внутреннего устройства), язык стремится к идеальной форме, которая органически соответствует духу данного языка. Любой язык может, по мнению Гумбольдта, приблизиться к недостижимому идеалу независимо от принадлежности к грамматическому типу.

Язык есть результат вечной деятельности духа – ненаблюдаемой, внутренней, стремящейся воплотиться в языковую форму, превратив звук в выражение мысли. «Язык есть не **продукт деятельности** (Ergon), а сама **деятельность** (Energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли... Расчленение языка на слова и правила – это лишь мертвый продукт научного анализа» [Гумбольдт 2001: 70]. В языке нет ничего застывшего, мертвого, каждая единица языка оживает в речи, в процессе формулирования мысли и коммуникации. Внутренняя форма языка связывает воедино все разрозненные части языковой системы, способствует проявлению своеобразного характера языка, воплощению национального мировоззрения. «Язык следует рассматривать не как **мертвый продукт**, но как **созидающий процесс**» [Гумбольдт 2001: 69], однако такое рассмотрение языка требует от исследователя «с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью» [Гумбольдт 2001: 68].

3. ВКЛАД ГУМБОЛЬДТА

В РАЗВИТИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ МИРА

В начале XIX в. в Германии трудами Фридриха Шлегеля насаждалась грубая оценочная классификация языков мира: флективные («истинно арийские языки» – немецкий язык, санскрит и др.) признавались совершенными языками божественного происхождения; а аффиксирующие языки (тюркские, финно-угорские и др.) считались грубыми языками отсталых народов. Именно в это время Гумбольдт решительно заявляет о неповторимости каждого языка и его чрезвычайной важности для человеческой культуры. Он поет своеобразную «оду» языкам мира как ярким краскам в палитре великого живописца – человеческого духа, создающего прекрасную и величественную картину материального и ментального мира. Каждый язык, по Гумбольдту, находит неповторимый способ выражения семантики, и этот способ определяет характер языка в целом. «Невозможно отрицать, что китайский язык древнего стиля за счет того, что в нем непосредственно следуют друг за другом важные и весомые понятия, звучит с покоряющим достоинством и, как бы отбрасывая все побочные мелочи и порываясь к чистому полету мысли, достигает благородного величия. Собственно малайский язык справедливо славится подвижностью и крайней простотой своих словосочетаний. Семитские языки обладают поразительным искусством в тонком различении смысла посредством многообразных чередований гласных. Баскскому языку в структуре слова и в словосочетании присуща замечательная сила, проистекающая от краткости и смелости выражения. Язык делаварских индейцев, а также некоторые американские языки с одним-единственным словом связывают такое число понятий, что для выражения их нам понадобилось бы несколько слов. Но все эти примеры показывают только, что, по какому бы одностороннему пути ни направился бы человеческий дух, он всегда может произвести нечто великое и способное в свою очередь оказывать на него самое плодотворное и вдохновляющее воздействие. Все перечисленные нами частности не позволяют говорить о преимуществе тех или других языков... Язык – русло, по которому дух может катить свои волны в надежной уверенности, что питающие его источники не иссякнут» [Гумбольдт, 2001: 163].

Поскольку не отдельные слова, а именно своеобразные способы соединения слов в предложения, принципы составления связной речи определяют языковую форму, ученый предлагает три метода оформления предложения.

1) Неизменяемые слова сочетаются в предложении в строго определенном порядке (изолирующий тип). Яркий пример такого грамматического устройства демонстрирует китайский язык. Гумбольдт пишет: «Языки, которые, подобно китайскому, складывают предложение из жестких, неизменяемых корневых слов... китайские слова выступают совершенно обособленными; однако здесь строить единство предложения помогают рассудку только нефонетические средства, как, например, место слов в предложении или особые, в свою очередь тоже изолированные слова» [Гумбольдт 2001: 144].

2) Грамматические значения выражаются путем изменения формы слова (флективный тип). Этот механизм устройства языка, свойственный древним индоевропейским языкам (санскриту, древнегреческому, латинскому и др.), Гумбольдт считает наиболее совершенным, ведь «флексия способствует более правильному и четкому проникновению в сущность мыслительных связей» [Гумбольдт 2001: 126]. Флексия есть «та ось, вокруг которой обращается весь языковой организм...» [Гум-

больдт 2001: 118]. Совершенство флексии как способа грамматического устройства заключается в том, что слово не только называет предмет, явление и др., но и выражает грамматическое значение, связь с грамматической категорией и роль слова в предложении. Гумбольдт пишет: «...к самому акту обозначения понятия добавляется еще особая работа духа, переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением» [Гумбольдт 2001: 118]. И далее «Совершенство языка требует, чтобы каждое слово было оформлено как определенная часть речи и несло в себе те свойства, какие выделяет в категории данной части речи философский анализ языка» [Гумбольдт 2001: 155]. Формальная (морфологически выраженная) принадлежность слова к определенной части речи, с одной стороны, определяет роль слова в предложении (ведь флексия «работает» на синтаксис), а с другой стороны, способствует появлению грамматической самостоятельности слова, т. е. возможности выражения и лексического и грамматического значения вне контекста¹. Гумбольдт пишет: «Языки, которые, подобно санскриту, уже в самом словесном единстве содержат указание на связь слова с предложением, позволяют последнему распастись на части, в которых оно, в соответствии со своей природой, предстает перед рассудком; из этих частей они (языки) как бы выстраивают его (предложения) единство» [Гумбольдт 2001: 144].

Гумбольдт постоянно предупреждает о том, что любая классификация является искусственной попыткой человека упорядочить тем или иным образом языковой материал, поэтому ни один язык не является чистым представителем того или иного типа, так как содержит в своей системе элементы самой разнообразной природы. Языки, выражающие грамматическое значение при помощи словоизменяемых морфем, делятся на два типа: флективные и агглютинативные. Флексия – «органическое пристраивание», «агглютинация – механическое добавление» [Гумбольдт 2001: 124]. Если Фридрих Шлегель считал эти языковые типы врожденным устройством, неизменно свойственным конкретному языку на протяжении всей его истории, то Гумбольдт утверждал, что склонность к флексии или агглютинации может по-разному проявляться в языках того или иного типа или меняться по мере развития языков. «По своему опыту я знаю, что ни один язык не является полностью агглютинативным, и в отдельных случаях часто нельзя определить, какую роль играет чувство флексии для того или иного предполагаемого суффикса» [Гумбольдт 2001: 126]. Известно, что в русском языке, например, приставки ведут себя как агглютинативные морфемы, а окончания есть яркий пример флексии. Таким образом, русский язык, будучи флективным, содержит элементы агглютинации. Гумбольдт пишет о приставках: «Слоги, наращиваемые спереди, сливаются со словом в меньшей степени... Это замечание кажется мне особенно важным для оценки тех языков, которые присоединяют наращиваемые слоги, как правило, к началу слов. Они в большей степени оперируют сложением, чем пристраиванием, и ощущение истинной флексии остается для них чуждым» [Гумбольдт 2001: 122].

3) Грамматические значения выражаются внутри предложения, которое можно рассматривать как единое цельнооформленное слово – инкорпорирующий тип.

---

¹ С одной стороны, флексия служит для связи слов в предложении: *Рыжий мальчик налил свежее молоко пушистому коту*, а с другой стороны, благодаря флективному оформлению каждое слово оказывается достаточно самостоятельным, так как относится к определенной части речи и выражает морфологическое значение; например: *пушистому* – прилагательное, в форме единственного числа, мужского рода, дательного падежа.

Гумбольдт впервые описал этот тип языкового устройства и ввел в лингвистический обиход понятие инкорпорации – стремление «рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово» [Гумбольдт 2001: 144]. В качестве примера инкорпорирующего языка Гумбольдт приводит грамматику мексиканского (ацтекского) языка¹.

Способ инкорпорации, «стремясь сплотить простое предложение в единую, фонетически связную форму, выделяет в качестве его истинного средоточия глагол, присоединяет к нему по мере возможности все управляющие и управляемые части предложения и с помощью фонетического оформления придает этому сочетанию вид связного целого:

1	2	3	1	3	2
<i>ni-</i>	<i>nasa-</i>	<i>qua</i>	<i>я</i>	<i>ем</i>	<i>мясо</i>

...Когда по какой-либо причине само по себе существительное не инкорпорируется, оно заменяется местоимением третьего лица, отчетливо показывающим, что язык требует при глаголе и внутри глагола сразу всей конструкции предложения по общей схеме:

1	2	3	4	5	1	3	2	4	5
<i>ni-</i>	<i>c-</i>	<i>qua-</i>	<i>in-</i>	<i>nacatl</i>	<i>я</i>	<i>ем</i>	<i>его</i>	<i>это</i>	<i>мясо</i>

Все предложение в том, что касается его формы, должно предстать завершённым уже в глаголе... По мексиканским представлениям, глагол вообще немислим без восполняющих его сопутствующих определений» [Гумбольдт 2001: 146]. Инкорпорирующие языки обладают своеобразной грамматической структурой, обусловленной особенностями построения предложения. В частности, «у слов, применяемых при инкорпорировании, язык тщательно различает две формы – абсолютную и инкорпорируемую; это предусмотрительное различие, без которого весь метод инкорпорации оказался бы затруднителен для понимания, надо рассматривать как его основу. Имена при инкорпорировании, как и в составе сложных слов, утрачивают окончания, которые в абсолютной форме всегда сопутствуют им в качестве именных характеристик. Слово *мясо*, которое при инкорпорировании мы встретили выше в форме *nasa*, имеет абсолютную форму *nacatl*» [Гумбольдт 2001: 147]. Инкорпорация скрепляет, как бы цементирует члены предложения в единый монолит, поскольку элементы инкорпорирующего комплекса не имеют флексий, указывающих на принадлежность к части речи, роль каждого элемента определяется его местом в инкорпорирующем комплексе, характеризуемом в силу этого жесткой структурой. «Инкорпорирующий метод... или сцепляет все в подобие единого слова, или, если не может этого сделать, снабжает средоточие предложения указателями – как бы стрелочками, намечающими направление, в каком надлежит отыскивать отдельные части предложения в их отношении к целому... В мексиканском строе предложения скрывается самобытный способ представления. Предложение должно здесь не конструироваться, не выстраиваться постепенно из своих частей, а сразу предьявляться как форма, запечатленная цельной и единой» [Гумбольдт 2001: 148–149].

Справедливо отмечая достоинства и недостатки каждого типа языкового устройства, Гумбольдт пишет об особенностях инкорпорации как способа выра-

¹ «Опыт анализа мексиканского языка» был написан в 1821 г.

жения мысли. «Однако нельзя признать особой удачей народа, если его духовная организация в соединении с внешними обстоятельствами направляет языковой строй по этому пути. Грамматические формы как по своему смыслу, так и по своей фонетике скрепляются в слишком громоздкие и неуклюжие глыбы, речь ощущает себя скованной в своей свободе, поскольку, вместо того чтобы составлять легкоподвижные мыслительные сочетания из отдельных элементов, она большей частью вынуждена пользоваться раз и навсегда отштампованными выражениями, некоторые элементы которых ей в данный момент вовсе и не нужны» [Гумбольдт 2001: 152]. Именно поэтому, по его мнению, «в сравнении с инкорпорированием и с приемом нанизывания слов, лишенных внутри себя подлинного единства, флективный метод предстает гениальным началом, порождением верной языковой интуиции» [Гумбольдт 2001: 160].

Очевидно, что для систематизации многообразия языковых форм Гумбольдт пользуется старой морфологической классификацией языков, разработанной братьями Шлегель. Однако он переосмысляет жесткую классификацию, понимая языковые типы как последовательные ступени в формировании языка – «орудия образования мысли».

Таким образом, в рамках концепции Гумбольдта форма языка понимается как закон его развития, а типологическое разнообразие языков осмысливается как история развития общечеловеческого языка.

4. СИСТЕМНОСТЬ ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Сложность устройства языка и разнообразие его элементов и связей между ними затрудняют восприятие языка как цельной системы. «Язык предстает перед нами в бесконечном множестве своих элементов – слов, правил, всевозможных аналогий и всякого рода исключений, и мы впадаем в немалое замешательство в связи с тем, что все это многообразие явлений, которое, как его ни классифицируй, все же предстает перед нами обескураживающим хаосом, мы должны возвести к единству человеческого духа» [Гумбольдт 2001: 69]. Однако системное устройство языка обусловлено его функционированием как способа мышления и универсального средства коммуникации. Признавая цельность языка его важнейшим свойством, Гумбольдт выступает против теории происхождения языка путем последовательного накопления словарного запаса и усложнения формальных структур. Он утверждает, что не встречал ни одного «примитивного» языка, даже бесписьменные языки кочующих племен демонстрируют удивительные формальные механизмы выражения различных значений, способны передавать самым причудливым образом субъективные впечатления от окружающих предметов и явлений, создавая поэтические картины мира.

Тема реферата: Язык как орудие мышления в лингвистической концепции В. фон Гумбольдта.

КОЛЛОКВИУМ

1. Проблематика общего языкознания в работах В. фон Гумбольдта.
2. Неогумбольдианство в истории европейской и американской лингвистики.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2001.

Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков, применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс. 2001.

Шулежкова С.Г. История лингвистических учений: Учебное пособие. М.: Флинта, 2007. С. 65–77.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Лобанова Л.П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Волошина О.А. «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» (к 250-летию со дня рождения Вильгельма фон Гумбольдта) // Русский язык в школе. 2017. № 6. (в печати)

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ТЕМЕ

1. Прокомментируйте слова Гумбольдта: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее... Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение... Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа...» [Гумбольдт 1985: 348].
2. Инкорпорирующие языки как представление особого типа оформления предложения в языках мира.
3. Понятие внутренней и внешней формы языка в учении В. фон Гумбольдта. Представление о внутренней форме языка в концепции Гумбольдта. Развитие идей Гумбольдта о внутренней форме слова в зарубежной и отечественной лингвистике.
4. Философия языка В. фон Гумбольдта: язык как отражение национального мировидения, язык как вечная деятельность человеческого духа.

Психологическое направление в языкознании второй половины XIX века

Язык как продукт человеческой психики. Понятие языкового мышления в концепции Г. Штейнтала. «Психология народов» В. Вундта.

А.А. Потебня – последователь В. фон Гумбольдта и популяризатор гумбольдианства в России. А.А. Потебня об особенностях древних языков как свидетельстве своеобразия мифологического мышления. Развитие синтаксической структуры как отражение работы мышления в работах А.А. Потебни.

Основные подходы к описанию и исследованию языка в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ. Учение о системных отношениях в языке. Критика теории родословного древа в работах Бодуэна де Куртенэ. Идеи о смешанном характере языков, диссертация Бодуэна де Куртенэ «Опыт фонетики резьянских говоров». Социологический и психологические подходы в изучении языка. Учение о фонеме, разные подходы к определению фонемы в наследии Бодуэна де Куртенэ.

Идея структурного устройства языка и попытка объяснения развития языковой системы в работах Н. Крушевского.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Психологическое направление формируется как новая теория языка, противопоставленная, с одной стороны, логическому направлению в языкознании, а с другой стороны, шлейхеровскому натурализму. В центре внимания ученых оказывается теперь не общность логической структуры человеческого языка, а проблема осмысления бесконечного разнообразия языков мира.

Герман Штейнталь (Steinthal) (1823–1899) считается основоположником психологического направления в языкознании. Основные общетеоретические положения Штейнтала касаются проблем взаимоотношения языка и духа народа, строения и развития языков, происхождения языка и т. п.

Г. Штейнталь был учеником и последователем В. фон Гумбольдта, чьи труды по языкознанию он издал в 1884 г., снабдив подробными комментариями. Штейнталь последовательно развивал идеи Гумбольдта о языке как проявлении национального мировидения, психологии народа, «народного духа», неоднократно заявляя о необходимости создания новой науки – «психологии народов»¹.

Психология находилась еще в зачаточном состоянии и не определилась как самостоятельная наука, однако ученые уже предлагали методы анализа проявлений психической жизни человека². Наблюдение и описание психических процессов

Герман Штейнталь
(Steinthal)

¹ Стараниями Штейнтала был основан и издавался журнал «Вопросы этнической психологии и языкознания», в котором затрагивались вопросы «психологии народов».

² Например, И.Ф. Гербарт утверждал, что психика человека управляется тремя законами: 1) ассимиляция – человек подмечает сходство, яркий образ нового впечатления, 2) апперцепция – определяет место новому впечатлению в уже имеющейся картине мира, 3) ассоциация – формирует связи нового впечатления с другими психическими образованиями.

могло основываться лишь на анализе индивидуального сознания, поэтому в языкознании второй половины XIX в. утвердился так называемый индивидуальный психологизм.

Штейнталь выступал против логического направления в языкознании, согласно которому все языки мира имеют одинаковое устройство и легко могут быть сведены к общему каркасу, в основе которого лежит логика, основанная на тождестве человеческого мышления. Важным теоретическим положением Штейнталя было признание неоднородности человеческого мышления: существует несколько типов мышления, у каждого из которых есть своя логика. Языковое мышление – особый тип мышления, поэтому языкознание имеет дело с языковым сознанием, при исследовании которого должно опираться на психологию, а не на логику. Штейнталь считает, что категории логики и грамматики не тождественны, они вообще с трудом могут быть соотнесены друг с другом, как, например, понятие круга и красного цвета. Теория Штейнталя была изложена в работе «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855).

Предметное мышление оперирует представлениями предметов, которые основываются на определенных признаках этих предметов, а языковое мышление оперирует представлениями представлений. Эти вторичные представления есть **внутренняя форма слова**, устанавливающая связь между первыми представлениями и членораздельными звуками. Поэтому если первые представления субъективны, то вторые субъективны вдвойне.

Слово (название цветка – *подснежник*)

Представление (образ цветка)

Предмет – (конкретный цветок)

По мнению Штейнталя, в современных языках происходит «угасание» выражения внутренней формы слова, расцвет которой (множество мотивированных слов) наблюдается в древних языках. Происхождение человеческого языка Штейнталь объяснял звукоподражательной теорией – первыми попытками передать представление о предметах соответствующими звуковыми комплексами. Усложнение языка приводит к «стиранию», «выветриванию» звукоподражательной природы номинации, возрастает немотивированная связь между предметом и акустическим комплексом, однако внутренняя форма еще остается в языках как свидетельство опосредованной номинации через выражение в слове представления о предмете.

ВОПРОСЫ

1. Прокомментируйте слова Штейнталя: «Речь – это духовная деятельность, и, следовательно, языкознание относится к числу психологических наук... Языкознание упирается в область психологии. Однако языковой материал, т. е. отдельные языки, – это особые продукты человеческого ума, принадлежащие уже не психологии, а... языкознанию» [Штейнталь 1964: 129].
2. Прокомментируйте слова Штейнталя: «Современная психология есть индивидуальная психология, т. е. ее предметом является психический индивидуум... Но существенным определением человеческой души является то, что

она принадлежит к определенному народу. Таким образом, индивидуальная психология требует существенного дополнения в виде психологии народов» [Штейнталь 1964: 133].

3. Как Вы понимаете слова Штейнталя: «Дух народа проявляется прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках. В традициях и песнопениях; все это – продукты духа народа» [Штейнталь 1964: 134]. И далее: «Языкознание служит наилучшим введением к психологии народов... Язык является самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа» [Штейнталь 1964: 134–135].

4. Можно ли назвать Штейнталя основоположником этнопсихологии и этнолингвистики? Ответ обоснуйте.

5. Подобно Гумбольдту, Штейнталь стремился изучать неиндоевропейские языки, пытаясь обнаружить в строении этих языков отражение своеобразного менталитета их носителей. В Париже Штейнталь изучал китайский язык, преподавал религиозную философию в Высшей школе иудаизма. Какие редкие языки изучал В. фон Гумбольдт и описал эти языки в своих работах? Что дало Гумбольдту описание этих языков для развития теории о связи строения языка с «духом народа»?

6. Дайте определение внутренней форме слова (по Штейнталю). Приведите примеры слов, обладающих внутренней формой в русском языке, латинском, английском и др.

ЛИТЕРАТУРА

Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., Просвещение. 1964. С. 127–135.

Вильгельм Вундт (Wundt) (1832–1920) – немецкий физиолог и психолог, основатель школы экспериментальной психологии и психологии народов (этнопсихологии).

Вундт впервые предлагает использовать методы естественных наук для изучения человеческой психики. Проблемы восприятия информации, ее использования человеческим мышлением – вот темы, которым посвящал Вундт свои лекции, опубликованные в книге «Лекции о разуме человека и животных» в 1863 г¹. Именно в этой работе Вундт формулирует два основных направления своих научных изысканий:

Вильгельм Вундт (Wundt)

¹ По мнению Вундта, и человек, и животное выражают физическими движениями (т. е. физиологически) свои психические состояния: дрожь в конечностях – страх и волнение, расширение зрачков – ужас и т. п. Все эти формы выражения состояния можно наблюдать, однако высшие психические формы человеческого сознания не поддаются, по мнению Вундта, экспериментальному исследованию, так как они скрыты и часто не имеют внешнего выражения. Не случайно, по мнению Вундта, первым и универсальным языком первобытных народов был язык жестов – физическое выражение эмоций и понятий. Вундт считал жестовый язык равным по коммуникативным возможностям естественному языку: в нем есть синтаксис, полисемия, этимология, возможны диалекты и т. п.). Часто жест непосредственно отражает выражаемое им чувство или понятие: эмоциональные жесты, жесты, выражающие отказ, неприятие, категории множественного числа, повторяемости глагольного действия и т. п.

1. наблюдение над сознанием конкретного человека при помощи эксперимента;
2. изучения «психологии народов», т. е. психологии аспектов культуры – языка, мифа, нравы различных народов и т. п.

Очевидно, что Вундт пытается объединить индивидуальный и социологический подходы в психологии: «в языке, мифах и обычаях повторяются, как бы на высшей ступени развития, те же элементы, из которых состоят данные состояния индивидуального сознания»¹. С помощью экспериментальных исследований можно наблюдать лишь сознание конкретных людей, но социальная природа человека во многом определяет его индивидуальное сознание и поведение. Ключ к психологии индивида следует искать в социуме, его культуре, религии и др.

Специалист в области естественных наук, ассистент выдающегося физика и физиолога Г. фон Гельмгольца, Вундт основывает в 1875 г. в Лейпцигском университете первую в мире психологическую лабораторию. Если раньше экспериментальные исследования проводились только с участием животных, Вундт предлагает проводить исследования сознания и психики человека, предложив собственную методику. Психология, по мнению Вундта, подобно химии или физике, имеет дело с объектом (это человеческое сознание), разложимым на отдельно осознаваемые компоненты: чувства, эмоции, идеи, представления, образы, схемы и т. п., изучать которые можно при помощи интроспекции, т. е. метода самонаблюдения. Данные экспериментов Вундт изложил в эпохальной для истории психологии книге «Принципы физиологической психологии» (1874). Психология Вундта именно «физиологическая», потому что состояния сознания индивида предлагалось исследовать при помощи экспериментальных процедур, разработанных в рамках физиологии (особенно физиологии чувств – зрения, слуха и др.).

Именно в это время английский ученый Ф. Гальтон² поставил задачу изучения ассоциаций, вызываемых на слово-стимул. Оказалось, что реакцией на определенное слово могут быть не только слова, но и образы, жесты и т. п. Реакции испытуемых классифицировались, подсчитывались (впервые были применены количественные методы) и обрабатывались, на основе чего формулировались выводы о работе сознания индивида. Именно подобного рода экспериментальные исследования позволили Вундту говорить о психологии как отдельной самостоятельной научной дисциплине со своим объектом исследования, методах и задачах.

Психология народов рассматривалась Вундтом как учение о высшей основе ментальной деятельности. В сочинении «Психология народов» (1900–1929 гг.) Вундт рассматривал этнопсихологию как своеобразие мировоззрения и поведения разных народов. Автор описывал и сравнивал обычаи, мифы, обряды, различные формы искусств и язык разных народов, пытаясь выявить особенности «народного духа», разнообразных проявлений «коллективной воли». Всеобщую историю, историю искусств и этнопсихологию Вундт предлагал считать компонентами единой науки, которая путем объединения различных типов национальных культур, позволит понять философские принципы всей человеческой цивилизации. Вундт пишет: «Язык не только служит вспомогательным средством для объединения духовных сил индивидуумов, но принимает сверх того живейшее участие в

¹ Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Академический проект. 2010. С. 37.

² Ф. Гальтон (1822 – 17 января 1911) – английский исследователь, географ, антрополог и психолог; основатель дифференциальной психологии, автор метода ассоциативного эксперимента. Именно идеи Гальтона, развитые Вундтом, легли в основу концепции структурной психологии XX в.

находящем себе в речи выражение содержания; язык сам сплошь проникнут тем мифологическим мышлением, которое первоначально бывает его содержанием»¹.

Вундт был сторонником оноματοпозэтической теории происхождения языка. Он считал, что процесс формирования языка, особенности номинации различных предметов, можно наблюдать на материале древних языков, так как именно в древних языках сама языковая форма часто отражает содержание. Речь идет не только о большом количестве звукоподражаний в языках, но и о таких средствах выражения оттенков значения, как удвоение: «...удвоение указывает на увеличение предмета», – пишет Вундт². Свои наблюдения Вундт обобщает в вывод: «Языки первобытных народов... в одном отношении во всяком случае, представляются бесконечно более удобными для психологического исследования: во многих формах выражения понятий в них чаще замечается еще сродство между звуком и его значением, чем это бывает в языках культурных народов»³.

ВОПРОСЫ

1. Почему Вундт считается предтечей современной когнитивной психологии?
2. Вундт стремился отграничить психологию от смежных наук: физиологии, антропологии, этнографии и др. Удалось ли ему это сделать?
3. Как Вы думаете, почему внимание Вундта привлекали в первую очередь языки первобытных народов? Чем можно объяснить интерес Вундта к жестовому языку?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вундт В.* Проблемы психологии народов // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 170–173.

2. *Вундт В.* История языка и психология языка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 174–183.

Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891) – российский языковед, литературовед и философ. А.А. Потебня развивает учение В. фон Гумбольдта⁴ о соотношения языка и мышления. Язык есть особая форма воплощения человеческого духа, мировоззрения целого народа и особенностей мышления каждого отдельного человека. Рассуждения философов об отражении мысли в языке привлекали интерес, завораживали, вызывали сочувствие, однако доказать такую тесную связь мысли и языка на конкретных примерах было непросто. Чтобы продемонстрировать взаимную зависимость языка и мышления В. фон Гумбольд (как и Штейнталь) прибегал

А.А. Потебня

¹ *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М., 2010. С. 37–38.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 58.

⁴ Первым сочинением А.А. Потебни, сразу сделавшим 27-летнего автора знаменитым, было «Мысль и язык», в котором молодой Потебня разбирал и сопоставлял разные направления в языкознании: логический (Беккера) и психологический (Гумбольдта), полностью поддерживая взгляды последнего. Потебня впервые знакомил русскую читательскую публику с работами В. фон Гумбольдта, приводя множество цитат из работ немецкого философа в переводе на русский язык.

к материалу экзотических языков: баскский, язык кави на острове Ява, китайский и др. – вот формы воплощения своеобразного мировоззрения, мышления, столь отличного от европейского. Именно в структурах экзотических языков стремился Гумбольдт обнаружить сосредоточение национального типа мышления (духа народа). Потебня не прибегает к редким языкам – все свои теоретические построения он основывает на русском, украинском, некоторых других славянских языках, известных древних индоевропейских языках (старославянском, древнегреческом, латинском и санскрите). Тесную, но скрытую связь языка и мышления он стремится обнаружить в лежащих на поверхности, широко известных языковых фактах. Яркое проявление мыслительных операций (говоря современным языком – когнитивных) он находит во внутренней форме слова, в развитии значения слова и в процессе формирования синтаксических структур древних индоевропейских языков и т. п.

1. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

Развивая учение Гумбольдта и Штейнтала о внутренней форме слова, А.А. Потебня предлагает различать в слове три компонента:

- 1) **внешнюю форму** – членораздельный звук;
- 2) **содержание** – значение слова;
- 3) **внутреннюю форму** – «ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание»¹.

Внутренняя форма есть семантический и формальный компонент слова, указывающий на осмысление именуемого словом предмета или понятия человеком в процессе номинации, на те связи, которые устанавливает человек, познавая предмет, указывая на его отличительный признак, сравнивая этот предмет с другими. Сам Потебня в своей работе припоминает случай, когда маленький ребенок называет полосатый абажур (незнакомый ребенку предмет) *арбузиком*, основываясь на сходстве незнакомого предмета по цвету и форме с арбузом. Именно так, по мнению Потебни, ведут себя носители древних языков архаичных культур – санскрита, древнегреческого и др. Процесс номинации здесь основан на мыслительном (когнитивном) механизме категоризации по общему признаку. Потебня писал: «Слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак»².

Не случайно Потебня обращался к древним языкам как хранителям внутренней формы слова: в санскрите большинство слов обладает внутренней формой, позволяющей проследить «путь мысли» при назывании, – с чем сравнивается и по какому признаку сравнивается именуемый объект:

- dīrgha-jihva* – змея (букв. *с длинным языком*);
- jihva-ga* – змея (букв. *движущаяся извиваясь*);
- maḥā-kaṣa* – слон (букв. *обладающий огромным телом*);
- jala-kāṅkṣa* – слон (букв. *жаждущий воды*);
- tura-ga* – конь (букв. *быстро идущий*);
- rakta-pāda* – попугай (букв. *красноногий, с красными ногами*);
- kāla-jña* – 1) петух (букв. *знающий время*);

¹ Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 160.

² Там же. С. 97.

tāmra-sūḍa – петух (букв. *имеющий красный гребень*);
tāmraḥṣa (tāmra + aḥṣa) – ворона (букв. *имеющая красные глаза*);
ghūkāri (ghūka + ari) – ворона (букв. *враг совы*) и т. п.

2. ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В УЧЕНИИ А.А. ПОТЕБНИ

Область синтаксиса и семантики привлекала внимание Потебни, потому что именно эти уровни языковой структуры (а не фонетика и морфология) позволяли обнаружить связь языка и мышления.

Потебня еще в конце XIX в. заговорил о том, что в языке первичны семантика и синтаксис, – именно этот тезис станут повторять и отстаивать лингвисты середины XX в. Нельзя от морфологии перейти к пониманию синтаксической структуры, возможно только наоборот – конкретное слово (его форма и значение) осознается лишь как часть предложения: части речи получают осмысление как морфологически закрепленные синтаксические функции слов, значение слова выводимо из его окружения в предложении, т. е. из контекста.

Еще Гумбольд поставил вопрос о том, как может человек, используя общеупотребительные слова, выражать новые мысли и чувства, формулировать свои собственные идеи. Потебня предлагает следующее понимание: слово обладает двумя типами значений: **ближайшее значение** – общее, зафиксированное в словарях, и **дальнейшее значение** – индивидуальное, личное, которое приобретает слово в контексте реальной речи. Благодаря ближайшему значению слова (общему) возможно взаимопонимание между людьми, а дальнейшее значение (вариация смысла, обусловленная контекстом) позволяет человеку выражать собственные идеи, порождать новые смыслы, создавать новые миры.

А.А. Потебня считает, что многозначность слова бывает только в словарях, в реальной речи слово имеет лишь одно значение, оно живет в контексте здесь и сейчас, обслуживая конкретный коммуникативный акт: «Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения»¹. Под многозначным словом мы понимаем объединение разных значений, выраженных одной и той же звуковой формой, но «единство звука и значения будет не более единства дупла и птиц, которые в нем гнездятся»². Реальна не многозначность, а «одноточность различных слов, т. е. то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки»³.

В языке слово каждый раз оживает заново, обретая новые оттенки значения, ведь «действительная жизнь всякого слова совершается в речи»⁴. Именно это свойство преобразования значения слова является проявлением жизни языка, вечного движения и изменения, т. е. той формы, в которой только и может жить язык, – «энергейя».

3. СИНТАКСИС В УЧЕНИИ А.А. ПОТЕБНИ

Синтаксические изыскания занимают особое место в научном наследии А.А. Потебни, ведь именно синтаксис позволил ученому продемонстрировать изменение языковых структур (синтаксических) для выражения более сложной, дифференцированной мысли.

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Введение. Воронеж, 1874. С. 4.

² Там же. С. 1.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 4.

Потебня предлагает выделять в процессе становления индоевропейского сложного предложения два этапа: паратаксис и гипотаксис. **Паратаксис** представлял собой последовательное соединение (присоединение) однородных членов предложения или простых предложений в составе сложной синтаксической конструкции. О такой структуре Потебня пишет: «Первоначально простые предложения следуют друг за другом так, что формальные отношения между ними вовсе не сознаются и не обозначаются. Ряды их подобны рисунку без перспективы»¹.

Затем, по мнению Потебни, по мере развития человеческого мышления и усложнения синтаксических структур как вербального воплощения этого мышления, возникает потребность выстроить иерархию – выделить главное предложение и зависимое. Такие структуры Потебня называет **гипотаксисом**. В главном предложении предикативность, как правило, выражается глаголом, а синтаксическая структура, которая принимает статус «зависимой», должна отличаться формальными показателями от главного предложения – языки вырабатывают разные формальные механизмы выражения этой зависимости. Поскольку системы союзов и союзных слов в древних языках еще не сформировались, древние языки активно используют конструкции с причастиями, супинами и инфинитивами для выражения сказуемого зависимого предложения. Известные всем древним индоевропейским языкам самостоятельные обороты: *дательный самостоятельный* в старославянском, *ablativus absolutus* в латинском, *locativus absolutus* в санскрите, *genetivus absolutus* в древнегреческом и т. п. использовались для выражения придаточного предложения с обстоятельственным значением. Обособленные конструкции с инфинитивом использовались для формирования конструкции с придаточным изъяснительным. Например, в латинском языке конструкция *accūsātīvus cum infīnītīvō*: *Scīmus scientiam potentia messe* (*Мы знаем, что знание – сила*). И в данном случае язык использует морфологические формы для обособления самостоятельного оборота – подлежащее этого оборота оформляется формой винительного падежа, а сказуемое – инфинитивом.

Таким образом, Потебня настаивает на вторичности морфологии по отношению к синтаксису: часть речи используется в синтаксических структурах в определенной функции.

ВОПРОСЫ

1. Объясните слова А.А. Потебни о внутренней форме слова: «Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Это очевидно во всех словах позднейшего образования с ясно определенным этимологическим значением (*бык – ревущий, волк – режущий, медведь – едящий мед, пчела – жужжащая* и проч.)... Признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными... Но этого мало. Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперцепировать свои восприятия. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление»².
2. Приведите примеры слов, сохраняющих прозрачную внутреннюю форму (по Потебне) в современном русском языке.

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Введение. Воронеж, 1874. С. 157.

² Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 130–131.

3. Прокомментируйте слова Потебни: «Части речи возможны только в предложении, в сочетании слов, которые не предполагаем в начале языка»¹.

4. По мнению Потебни, многозначное слово – феномен языка (многозначные слова встречаются только в словарях), в живой речи слово всегда однозначно. Объясните выражение Потебни: «речь – океан омонимов».

5. Какое конструкции старославянского языка соответствует латинская *ablativus absolutus*? Приведите примеры.

6. Как Вы думаете удалось ли А.А. Потебне доказать зависимость языковых структур от развивающегося мышления человека. Свой ответ обоснуйте.

КОНТРОЛЬНЫЙ ВОПРОС ПО ТЕМЕ

Психологическое направление в языкознании. Лингвистические взгляды Г. Штейнталя и А.А. Потебни.

Тема для реферата: Понятие «внутренней формы слова» в учении А.А. Потебни. Принцип номинации в древних языках как отражение архаичного мышления в работах Потебни.

И.А. Бодуэн де Куртенэ

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 136–141.

2. *Потебня А.А.* Из записок по русской словесности // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 142–169.

Бодуэн де Куртенэ И.А. (1845–1929).

In initio erat verbum de Boudouin de Courtenay – ученики знаменитого лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ с полным основанием могли повторять эти слова В. Дорошевского, ведь к концу XIX – начале XX в., когда ученые искали новые пути развития науки о языке, именно Бодуэн в своих работах впервые намечал и раз-

вивал перспективные направления лингвистических исследований: это системное представление об устройстве языковой системы, учение о причинах языкового развития и определении степени влияния языков друг на друга, психолингвистические и социолингвистические проблемы языкознания, вопрос становления речи ребенка и мн. др.

Задачу науки о языке Бодуэн формулировал широко: «Языковедение исследует жизнь языка во всех ее проявлениях, связывает явления языка, обобщает их в факты, определяет законы развития и существования языка и отыскивает действующие при этом силы»².

¹ *Потебня А.А.* Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 135.

² *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.м I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 57.

Не формулируя в явном виде теорию уровней, разработанную структурализмом, Бодуэн, в сущности, показал в своих работах тесную взаимную связь между различными частями языковой системы – смысловозначительная функция фонемы проявляется в составе морфемы (или слова), отдельная морфема служит узлом, связывающим слова по форме (однокоренные слова и одинаковые аффиксы в словоформах) и по значению (развитие семантики производного слова). Таким образом, широко используемое в теоретических построениях Бодуэна понятие морфемы позволило ему связать все единицы языка в цельную систему – и с точки зрения формы, и с точки зрения значения.

Наряду с признанием системного устройства языка, Бодуэн неоднократно подчеркивал сложный и противоречивый характер самой языковой системы, зависимость языка от различных факторов социального и психического характера, воздействующих в разной степени на язык и вызывающих языковые изменения. Эта сложность и неоднозначность решений проблем языкового устройства и развития, попытка учитывать самые разные внешние влияния на язык, равно как и динамику самой языковой системы изнутри, явилось важным достижением Бодуэна-теоретика.

Задолго до знаменитой оппозиции Ф. де Соссюра синхрония – диахрония, И.А. Бодуэн де Куртенэ предлагает противопоставлять два подхода к изучению языка: статику и динамику. В «Программе чтений по общему курсу языковедения» (1876)¹ он предлагает рассматривать отдельно статику звуков (классификация гласных и согласных, фонетические процессы в звучащей речи и т. п.) и динамику звуков (история возникновения звуков в языках, процессы изменения звуков и т. п.). Бодуэн настаивает на противопоставлении морфологии (науки о типах морфем и о правилах их соединения в слове) и этимологии (науке о происхождении слов и морфем).

Бодуэн формулирует важнейший для компаративистики принцип относительной хронологии: мы не можем датировать звуковое изменение, однако мы можем утверждать, что то или иное изменение звуков произошло раньше другого, т. е. выстроить хронологию звуковых изменений относительно друг друга. Например, в результате первой палатализации задненебных (к, г, х) в славянских языках появился ряд шипящих звуков и аффриката Ч:

к > ч (*старик – старче*)
г > ж (*Бог – Божже*)
х > ш (*дух – душе*).

Это звуковое изменение происходило в позиции перед гласным переднего ряда (и, е), в других позициях задненебные оставались без изменений. После этого изменения прошел процесс монофтонгизации (слияния) дифтонгов, в результате которого образовались новые гласные переднего ряда, перед которыми задненебные опять стали изменяться, но уже в свистящие звуки и аффрикату Ц:

к > ц (*рука – в руке*)
г > ж (*Бог – в Бозе*)
х > ш (*дух – о душе*).

Это изменение называли второй палатализацией, согласно принципу относительной хронологии.

---

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Программа чтений по общему курсу языковедения // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 79–87.

Принцип относительной хронологии позволил определить место каждого фонетического изменения в общей картине последовательного изменения системы звуков изучаемых языков.

Бодуэн писал: «Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создавал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения»¹.

2. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ О СМЕШАННОМ ХАРАКТЕРЕ ЯЗЫКОВ

Процесс дивергентного развития индоевропейских языков (процесс расхождения некогда общего языка), представленный в виде родословного древа Августом Шлейхером еще в середине XIX в., представлялся Бодуэну односторонним и искажающим реальную картину. По мнению Бодуэна, процесс развития языков идет не только по пути дивергентного, но и конвергентного развития, т. е. языки могут не только дробиться, но и объединяться, влиять друг на друга, что приводит к более или менее выраженному «смешению языков». По определению Бодуэна, смешанный язык – это язык «с преобладающим элементом известного племени, но все-таки со значительными видоизменениями под влиянием языка племени, лингвистически ассимилированного»². Бодуэн описывает случаи взаимного влияния друг на друга не только родственных, но и неродственных языков, если это языки соседей. Он настаивает на использовании в традиционной компаративистике методов лингвистической географии, т. е. обращает внимание на территориальное распространение языков в целом и отдельных языковых явлений, предлагает картографировать языковые данные и учитывать взаимное влияние соседних языков. Славянские языки, по мнению Бодуэна, представляют яркий пример языкового смешения. Бодуэн пишет: «Обозревая весь славянский языковой мир, мы замечаем в нем довольно много вполне определенных случаев языкового смешения... Романскому влиянию подвержены некоторые крайние полосы юго-западных славянских областей, прежде всего славяне в Италии... Сильному германскому влиянию подвержены славяне на некоторых юго-западных и на северо-западных окраинах славянского языкового мира, прежде всего лужичане и поляки в Пруссии совместно с кашубами. Мадыарскому влиянию должны подвергаться славяне Венгерского королевства. В пределах России происходит взаимодействие славянского языкового элемента и разных “инородческих”, неславянских: литовского, латышского, эстонского, татарского, чувашского и т. д.»³

Основоположник российской тюркологической школы, Бодуэн исследовал тюркские языки и уточнил типологическую классификацию языков по принципу устройства слова: агглютинативные языки (тюркские и финно-угорские) противопоставил фузийным (индоевропейским)⁴. Однако Бодуэн подчеркивал, что классификация – это схема, а живой язык никогда не укладывается в прокрустово ложе

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 67.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 365.

³ Там же. С. 369–370.

⁴ В учебнике А.А. Реформатского «Введение в языкознание» (М. 1996) прочитайте §46. Агглютинация и фузия, расскажите об отличиях корня, аффиксов и особенностях морфемного шва в языках названных типов.

теоретических построений. И здесь – в разных языках можно найти черты агглютинации и фузии, можно говорить лишь о преобладающей тенденции в строении словоформы того или иного языка.

Яркий пример языкового смешения Бодуэн нашел во время путешествия по Италии – это резьянские говоры, диалектная разновидность словенского языка¹. Из-за особенностей географического распространения эти говоры развивались длительное время изолированно от славянского языкового мира, но испытали, по мнению Бодуэна, сильное «мадьярское влияние» (влияние венгерского языка).

Очевидно, что языки соседей влияют друг на друга, но считалось, что такое влияние распространялось лишь на звуковой строй языка и на словарный состав (имеются в виду лексические заимствования). Бодуэн пытается на примере резьянских говоров показать, что влиянию могут подвергаться самые устойчивые участки языковой системы – морфология и синтаксис, под воздействием соседних языков меняются даже сами принципы структурного устройства языка в целом.

Особенность славянских языков (как и всех индоевропейских языков) – наличие ударения как цементирующего средства индоевропейского слова. В резьянских говорах ударение сохраняет свою объединяющую функцию, однако наряду с ударением говоры приобретают несвойственную славянским (и индоевропейским) языкам структурную черту, широко распространенную в тюркских и финно-угорских языках, – сингармонизм (от греч. *syn* – «вместе» и *harmonia* – «созвучие»). Речь идет о морфонологическом явлении, основанном на принципе единообразного вокалического оформления слова, т. е. на употреблении в слове гласных звуков сходной артикуляционно-акустической характеристики. Самым распространенным является сингармонизм по ряду: в одном слове встречаются только гласные переднего или непереднего ряда (встречается также сингармонизм по подъему и/или по лабиализации).

В языках с сингармонизмом система вокализма строго симметрична – каждый гласный имеет пару по фонетическому признаку (по ряду, подъему и лабиализации). В резьянских говорах все гласные классифицируются по 2-м признакам: по подъему и лабиализации.

Ясные гласные (нелабиализованные)	e	i	o	u	a
Темные гласные (лабиализованные)	œ	y	ö	ü	
Узкие гласные	i	y	u	ü	
Широкие гласные	e	o	œ	ö	a

В резьянских говорах вокалическую характеристику слова определяет ударный гласный, так как в резьянских говорах (как и в других славянских языках) ударный гласный осознается главным.

Таким образом, в резьянских говорах безударные гласные слова повторяют фонетические характеристики ударного гласного. Получаются следующие формы слова «жена»:

¹ Бодуэн де Куртенэ настойчиво призывал лингвистов активно привлекать материал живых языков и диалектов, так как только в живом языке можно обнаружить законы языкового развития. Бодуэн активно занимался диалектологией; в ходе диалектологических экспедиций он собрал и проанализировал богатейший материал различных славянских диалектов, обобщив его в диссертации «Опыт фонетики резьянских говоров» (1875). Новые данные позволили Бодуэну внести коррективу в традиционную теорию сравнительно-исторического языкознания.

Именительный падеж ед. ч.	žaná
Дательный падеж ед. ч.	žœnce
Родительный падеж мн. ч.	žiní

Смешанный характер резьянских говоров проявляется в том, что они совмещают оба способа объединения слогов (и морфем) в слове: и ударение, и сингармонизм. По словам Бодуэна, слова в резьянских говорах «склеены двойным цементом, состоящим из сочетания ариоевропейского цемента – ударения, с туранским цементом – гармонией гласных»¹.

Итак, именно материал славянских диалектов явился для Бодуэна яркой иллюстрацией языкового смешения. Языки влияют друг на друга не только на уровне лексических заимствований, но и на глубинном уровне языковой структуры. В результате чужеродного влияния язык может приобретать несвойственные ему структурные черты².

Бодуэн протестовал против попыток лингвистов втиснуть материал живых языков в прокрустово ложе узких схем теоретических построений. Он критиковал картинку родословного древа: язык не висит на ветке совершенно изолированно от других языков, он распространен на определенной территории, на него влияют соседние языки; кроме того, язык живет в обществе говорящих на нем людей. Бодуэн предлагал учитывать психологию говорящего коллектива, ставил задачу определить, как психология говорящих влияет на устройство языка. В этом контексте Бодуэн выступал с резкой критикой главного достижения компаративистики – звуковых законов; он поставил задачу обнаружения истинных законов языкового развития, которые, по его мнению, определялись психологической и социальной природой человеческого языка.

Выявленные младограмматиками фонетические законы, показывающие изменения звуков в родственных языках, воспринимались как результат развития конкретного языка изнутри – динамики языкового типа. Бодуэн решительно протестует: «Нет никаких звуковых законов», – по его мнению, звуки не переходят из одного языка в другой, а изменяются в речи говорящих в зависимости от соседних звуков, от положения в слове, от стремления говорящих к экономии усилий при произношении (отсюда возникают такие фонетические процессы, как ассимиляция и аккомодация, диэрезы и т. п.).

Бодуэн стремится найти психические и социальные причины языковых изменений. Язык – система, но эта система постоянно используется людьми в процессе общения, влияние социума в целом и конкретного человека в частности на языковую систему и есть движущая сила языкового развития. Для иллюстрации подобных теоретических положений Бодуэн де Куртенэ изучал просторечие, речь детей, различного рода ошибки и оговорки в процессе речепроизводства, пытаясь доказать роль ассоциации и аналогии в развитии значения слова, в перестройке парадигм словоизменения, моделей словообразования и т. п.

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава, 1875. С. 119.

² Подобным влиянием объясняет Бодуэн утрату морфологически подвижного ударения, первоначально свойственного всем славянским языкам, у поляков и чехов. «Только потрясение, вызванное этнографическим смешением с племенами, неспособными к восприятию морфологической подвижности ударения, могло произвести потерю этого ударения у лингвистических предков нынешних словаков, чехов и поляков...» (Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том I. М., 1963. С. 369).

Еще в 1868 г. молодой Бодуэн де Куртенэ в статье «Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении» впервые сформулировал морфологический закон о «переразложении основ в пользу окончаний». Много лет спустя он теоретически обосновал эту идею в работе «Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний».

Наряду с изменением звуков в языке действуют изменения по аналогии, которые, по мнению Бодуэна, есть результат действия в языке «бессознательных психических законов». Бодуэн на материале древнепольского склонения установил, что изменения основ в индоевропейских языках происходили путем включения конечной части основы (часто тематического гласного) в состав следующего аффикса (флексии).

«Это сокращение основ в пользу окончаний должно было начаться еще в ариоевропейском праязыке, именно в тех случаях, когда конечному гласному основы пришлось сталкиваться с начальным гласным окончания и сливаться с ним в один долгий гласный»¹. Окончание способно поглотить часть основы, изменить конечный гласный основы, в результате чего происходит переосмысление морфемной границы слова. Например, в форме *рыбах* выделяется корень *рыб-* и окончание *-ах*, потому что в данном случае работает закон аналогии с формами *рыб-ой*, *рыб-у*, *рыб* и т. п., где отсутствует конечный гласный основы *-а*.

Такое переразложение объясняется фузийной природой индоевропейских языков, результатом передвижения морфемной границы и звуковых изменений в составе новых морфем явилось разнообразие флексий в системе склонения и спряжения индоевропейских языков.

3. УЧЕНИЕ О ФОНЕМЕ, РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОНЕМЫ В НАСЛЕДИИ БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Особое значение Бодуэн придавал фонетике – изучению звучащей стороны языка, ведь звуки речи можно исследовать при помощи специального оборудования, ограничивая или совсем исключая субъективизм в наблюдениях и выводах ученого. В своих работах и устных выступлениях Бодуэн неоднократно говорил о «несовпадении **физической природы звуков** с их **значением в чутье народа**». Звук, будучи минимальной, незначимой языковой единицей, является, тем не менее крайне сложным, так как может быть охарактеризован с трех сторон:

1. звук с точки зрения говорящего (*кинема*) – артикуляционная характеристика звука;
2. звук с точки зрения слушающего (*акусма*) – акустическая характеристика звука;
3. звук с точки зрения его функции в системе языка (*фонема*) – функциональная (собственно лингвистическая) характеристика звука.

Звуков речи с точки зрения артикуляционно-акустических особенностей множество, но в сознании говорящих существует сравнительно небольшое количество звуков-эталонов, которые Бодуэн предложил называть фонемами. Бодуэн исходил из психологического понимания фонемы. В работе «Опыт теории фонетических альтернатив» (1895) предлагается такое определение: «Фонема – единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука – психический эквивалент звуков языка»².

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний. Варшава, 1890. С. 7.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернатив. Глава из психофонетики // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 271.

Если звук – единица фонетическая, то фонема связывает фонетику с морфологией, указывая на смысловозначительную (сигнификативную) функцию фонемы в составе морфемы. В языке именно фонемы позволяют отличать одни морфемы (или слова) от других: *дом – том, сам – сом, кон – конь [н']* и т. п. Бодуэн пишет: «**Морфемы...** разложимы не на звуки, но на **фонемы**»¹.

В других своих работах Бодуэн развивает понимание фонемы и ее функции в языке: «...понятие “**фонема**” разлагается на два существенно различные:

1) просто **обобщение антропофонических (физических и артикуляционных) свойств,**

2) **подвижной компонент морфемы** и признак известной морфологической категории»².

С тех пор учение Бодуэна о фонеме носит двойственный характер.

Итак, с одной стороны, фонема – абстрактная фонетическая единица, в которой обобщены артикуляционные и перцептивные свойства сходных звуков; с другой стороны, фонема – абстрактная фонетическая единица, представляющая собой набор звуков (часто несхожих между собой), которые чередуются в пределах одной морфемы. Ленинградская школа позднее разовьет первое понимание фонемы, Московская – второе.

Общее во всех фонологических школах – признание фонемы смысловозначительной единицей языка. Дальше каждая школа идет своим путем: ленинградская школа понимает фонему как «психический эквивалент звука», «идеальный звук», а для МФШ фонема – ряд позиционно чередующихся в составе морфемы звуков.

ВОПРОСЫ

1. Почему выделение морфемы как особой единицы языка способствовало зарождению структурного подхода?

2. Расскажите о принципе относительной хронологии в компаративистике. Как Вы понимаете слова Бодуэна: «Результатом языковых изменений являются разные наслоения, разные, так сказать, пласты в составе и строении каждого языка, слои, аналогичные геологическим пластам в строении земной коры... Одной из задач науки является определение хронологической последовательности этих пластов, упорядочение наслоений. Само собой разумеется, что здесь не так важно определение лет и даже веков, в течение которых совершались определенные перемены, как определение простой последовательности, очередности наслоений, следовавших одно за другим»³.

3. За что критиковал Бодуэн де Куртенэ теорию родословного древа А. Шлейхера?

4. Объясните слова Бодуэна: «Армянский язык причисляется к ариоевропейской отрасли языков, и действительно, многими своими сторонами он к ней принадлежит, но вместе с тем по некоторым частностям его сторон и вообще по некоторым основным особенностям его необходимо поставить рядом с языками, если не тюркско-татарскими или урало-алтайскими, то по крайней мере с языками, очень близкими этим по-

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 121.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы «Сравнительной грамматики» славянских языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 122.

³ Бодуэн де Куртенэ И.А. Об общих причинах языковых изменений // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 248.

следним»¹. Более подробно о точке зрения Бодуэна на смешанный характер армянского языка; см. *Приложение 1*².

5. Что такое сингармонизм? Каким языкам свойственно это морфонологическое явление и в чем оно проявляется? Подробнее о сингармонизме в казахском языке; см. *Приложение 2*³.

6. Объясните принцип устройства словоформы в агглютинативных языках. Что нового для типологической классификации языков мира позволил дать описанный Бодуэном материал тюркских языков?

7. Продемонстрируйте закон переразложения основ на материале древнерусского или латинского языка; см. *Приложение 3*⁴.

8. Что такое фонема? Почему Бодуэн де Куртенэ настаивал на введении в науку нового понятия (и термина), противопоставленного звуку речи? Чем отличается фонология от фонетики по мнению Бодуэна?

9. Сравните разные определения фонемы, которые предложил Бодуэн де Куртенэ в своих работах? Объясните возможность развития двух разных отечественных фонологических школ из общего наследия Бодуэна де Куртенэ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М. 1963. С. 362–372.

2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы «Сравнительной грамматики» славянских языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 118–126.

Историки языкознания считают **Н. Крушевского** (1851–1887) «прямым вдохновителем современного структурализма». В его работах впервые была предпринята попытка описания языка как взаимосвязанной системы и определены причины и пути развития этой системы.

Получив место преподавателя в классической гимназии провинциального г. Троицка Оренбургской губернии, Крушевский оказался вдали от Казанского университета, от библиотек, от общения с коллегами. В письмах своему учителю Бодуэну Крушевский жаловался на отсутствие необходимых научных трудов по древним индоевропейским языкам, однако в ответ Бодуэн предлагает Крушевскому внимательно наблюдать живой русский язык, который (как и любой другой язык) предлагает богатейший материал для обнаружения законов языкового развития.

Н. Крушевский

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 365.

² Приложение 1 см.: Стефанос. 2016. № 4(18). С. 224–225.

³ Приложение 2 см.: Стефанос. 2016. № 4(18). С. 225–226.

⁴ Приложение 3 см.: Стефанос. 2016. № 4(18). С. 227–228.

В работе «К вопросу о гуне¹. Исследование в области старославянского вокализма» (1881) Крушевский ставит задачу описать язык как взаимосвязанную систему отдельных элементов; в частности, он указывает на «морфологическую» (грамматическую) природу некоторых фонетических чередований, что позволяет рассматривать роль фонетических чередований при выражении грамматических значений.

Крушевский предлагает выделять 3 типа фонетических чередований:

1. *свет* [т] – на *свет* [т'] *е* – «перед палатальными гласными *е, і* встретим только согласные с небным резонансовым оттенком»² (т. е. мягкие). «Минимальное изменение первоначальных звуков, какое мы видим в чередованиях первой категории, есть изменение комбинационное и происходит от причин антропофонических, т. е. чисто физических» (с. 75), т. е. чередующиеся звуки близки с точки зрения артикуляционно-акустических характеристик;

2. *муха* – *мошка* – в первом слове при безударном аффиксе *-а* корень имеет гласный *-у*, а ударный гласный аффикса *-kā* сопутствует корню с огласовкой *-о*. «Чередование является некоторым образом закрепленным за известными морфологическими категориями» (с. 77). Причины (условия) таких чередований трудно установить, часто это возможно лишь с помощью исторического исследования (исторические чередования), кроме того, эти чередования не являются обязательными и имеется много исключений из подобного рода чередований. Например, *мошка* – *мушка*, *душка* и т. п. Чередующиеся таким образом звуки очень отличаются друг от друга с точки зрения артикуляционно-акустических характеристик: *г/ж/з* – *д/р/ж* – *д/р/ж* – *д/р/ж* – *д/р/ж* – *д/р/ж* – *д/р/ж* и т. п.;

3. *воз* // *вез*, *ноша* // *нес*, *ток* // *тек*, *мор* // *умереть*, *умирать*, *собор* // *собирать*, *собрать*, *гроб* // *погребать* – «мы можем здесь говорить не о чередовании звуков, а о чередовании форм» (с. 79) (огласовка *-о* характерна для имен, а *е/и/ѳ* для глагольных форм).

«Первоначальную причину такого чередования можно найти только с помощью исторического исследования... Не может быть и речи о повсеместности такого чередования в языке» (с. 79). Такой тип чередований «дает начало связи фонетических явлений с морфологическими категориями» (с. 81).

УСТРОЙСТВО И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Причину исторической изменчивости языка Крушевский видит в психологической природе языка, которую можно объяснить законами ассоциации. Языковая система не существует отдельно от говорящего индивида, а реализуется лишь в конкретном речевом акте, поэтому основана на действии психологических законов. Как выявить эти законы и определить их природу? Для ответа на этот вопрос Крушевский пытается разобраться, как хранится языковая система в памяти говорящих и как используется язык в процессе коммуникации. Он выдвигает концепцию о двух способах группировки слов: ассоциации по сходству и ассоциации по смежности³.

¹ Гуна – одна из ступеней чередований гласных в санскрите, которая используется для образования форм словообразования и словоизменения.

² Крушевский Н. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М., 1998. С. 75. Здесь и далее цит. по этому изданию; страницы указаны в скобках.

³ Задолго до работы Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» Крушевский говорит о том, что любая языковая единица вступает в отношения, основанные на законах ассоциации, образуя строй-

«Всякое слово связано с другими словами узлами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, то есть звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое. Или другими словами: всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами»¹.

Например, слово *подосиновик* вызывает в сознании группы слов, относящихся к одному лексико-семантическому полю – *грибы*: *подберезовик, боровик, груздь, опенок, лисичка* и т. п. Кроме того, это слово тянет за собой ряд слов с такими же (или похожими) морфемами – *подберезовик, подстаканник, подоконник* и т. п., выстраивая различные (с разной степенью близости) семасиологические и морфологические связи. По своему звучанию слово вызывает также фонетические ассоциации.

С другой стороны, каждое слово имеет тесные связи с последующими словами, оно как бы тянет за собой соседей по предложению (и с точки зрения формы, и с точки зрения семантики): за переходным глаголом следует существительное в винительном падеже (*читать книгу*), слово *одержать* вызывает в сознании слово *победу, нанести – поражение* и т. п. «Такая способность слов возбуждать друг друга основана на психическом законе ассоциации по смежности: мы привыкаем употреблять данное слово чаще с одним, нежели с другим словом» (с. 145).

Итак, Крушевский устанавливает системные связи между словами (и морфемами) в языке: «Вследствие закона ассоциации по сходству, слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды. Итак, каждое слово связано двоякого рода узлами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» (с. 145).

По мнению Крушевского, закон ассоциации по сходству способствует самоорганизации системы, ее упорядочению (воспроизводству), а закон ассоциации по смежности стимулирует появление нового в языке. Взаимодействие этих двух законов обеспечивает, по мнению Крушевского, развитие языка. «Процесс развития языка... представляется нам как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциациями по смежности» (с. 187).

Крушевский утверждает, что не только в фонетике и грамматике, но и в семасиологии (науке о значении) можно обнаружить систему и установить законы ее исторического развития.

ВОПРОСЫ

1. Как вы думаете, удалось ли Н. Крушевскому «сделать из морфологии путеводную мысль при исследованиях фонетических» (Крушевский 1880: 5). Ответ обоснуйте.
2. Сформулируйте основную идею работы Н. Крушевского «К вопросу о гуне» (1881). Что такое «внутренняя флексия» индоевропейских языков?

ную систему. Ассоциации по смежности Крушевского аналогичны синтагматическим отношениям языковых единиц в терминологии Соссюра, а ассоциации по сходству – ассоциативным отношениям у Соссюра (парадигматическим отношениям в терминологии современной лингвистики).

¹ Крушевский Н. Очерк науки о языке // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М., 1998. С. 145. Здесь и далее цит. по этому изданию. Страницы указаны в скобках.

3. Какие два принципа устройства языковой системы обнаружил Н. Крушевский. Приведите примеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крушевский Н.* Очерк науки о языке // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М., 1998. С. 96–222.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. С. 362–372.

2. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 84–93, 116–128.

3. *Шулежкова С.Г.* История лингвистических учений: Учебное пособие. М.: Флинта, 2007. С. 101–117, 140–146, 147–168.

4. Психологическое направление // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 405–406.

5. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 127–135, 136–169, 170–183, 263–294.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ТЕМЕ

1. И.А. Бодуэн де Куртенэ о системном устройстве языка. Противопоставление звука и фонемы в работах Бодуэна. Учение Бодуэна де Куртенэ о фонеме.

2. Агглютинативные и фузийные языки. Закон переразложения основ в пользу окончаний как следствие фузии. Понятие смешения языков в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Сведения об авторе:
Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

“HISTORY OF LINGUISTIC STUDIES”.
AUXILIARY MATERIALS FOR THE COURSE